1893 - МАЯКОВСКИЙ - 1983

1) МЫ ЗАЖГЛИ ... ГИНА РАЗНЕС
МИРОМ ИСТ ... МУ ОВЕТУ

3) ТЕПЕРЬ НАМ
НЫ ОГНИ ЭТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1983

Донбасс ведет жатву. Совхоз «Тимирязевский» Амвросиевского района приступил к обмолоту валков одним из первых в области. На снимке: передовые механизаторы совхоза Н. Головачук и А. Мельников.

Телефото И. Бруя (ТАСС)

ФОТО НЕДЕЛИ

На проспекте Мира в Москве 6 июля стартовал международный «Велопробег мира-83». Его участники — сторонники мира из Норвегии, СССР, США, Финляндии и Швеции — совершат свой марш по территориям этих стран, организуя по пути антивоенные манифестации, обращаясь к правительствам и народам с призывом сделать все для сохранения и упрочения безопасности на планете.

Фото А. Бочинина

7 июля начался XIII Московский международный кинофестиваль, девиз которого: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!»

На снимке: торжественное открытие фестиваля в Концертном зале «Россия».

Фото А. Награльяна

10-летняя школьница из города Манчестера, штат Мэн, Саманта Смит и ее родители прибыли в нашу страну. Саманта Смит написала письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову и получила откровенные ответы на свои вопросы. Ю. В. Андропов пригласил американскую школьницу посетить Советский Союз. На снимке: Саманта Смит знакомится на Красной площади с участницей кинофестиваля монгольской киноактрисой Оюунцэцэг.

Фото А. Шогина (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2922)

16 ИЮЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

19 ИЮЛЯ — 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

12 июля 1983 года в Москве состоялись переговоры между делегацией Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андроповым и делегацией Французской коммунистической партии во главе с Генеральным секретарем Французской коммунистической партии Жоржем Марше.

В состав делегации Коммунистической партии Советского Союза входили: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, зав. сектором Международного отдела ЦК КПСС Ю. И. Зуев.

В состав делегации Французской коммунистической партии входили: член Политбюро, секретарь ЦК ФКП М. Гремец, член Политбюро ФКП Г. Эрмье, члены ЦК ФКП Ж.-Ф. Го и Ж.-Ф. Мейер.

В результате переговоров делегации Коммунистической партии Советского Союза и Французской коммунистической партии приняли заявление.

Обе партии подтвердили свое стремление действовать в пользу одновременного роспуска блоков, в пользу всеобщего и контролируемого разоружения.

Делегация Французской коммунистической партии напомнила, что Франция располагает ядерными силами, достаточными для того, чтобы обеспечивать ее безопасность и независимость. Эти силы не могут быть предметом переговоров, направленных на то, чтобы сократить их. Конечно, если бы были приняты конкретные меры постепенного разоружения, обеспечивающие равновесие сил в Европе и во всем мире и безопасность каждой страны, наступил бы момент, когда этот вопрос мог бы быть поставлен.

В то же время Французская коммунистическая партия считает, что, поскольку Франция является членом Североатлантического союза и имеет в этом качестве вытекающие из этого обязательства, ее ядерные силы должны быть приняты во внимание в этих рамках при общем подсчете сил, имеющихся в Европе.

Делегация КПСС проявила интерес к соображениям, высказанным ФКП. Она подтвердила известную советскую позицию, которая состоит в том, что ядерный арсенал Франции должен учитываться при выведении соответствующего баланса ядерных вооружений в Европе, но это не означает требования сокращать этот арсенал.

КПСС и ФКП выразили мнение, что на нынешнем этапе двусторонних отношений во главу угла следует положить подход, продиктованный интересами мира и безопасности в Европе.

Обе партии выразили удовлетворение существующими между ними узами дружбы и интернационалистской солидарности и условились укреплять свое плодотворное сотрудничество в борьбе за великие, общие им цели.

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

ОРДЕН — КУРСКУ

9 июля в Курске состоялось торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, воинов Курского гарнизона, посвященное вручению городу высокой награды Родины — ордена Отечественной войны I степени.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. От имени Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он горячо поздравил тружеников города и области с высокой наградой.

Под бурные аплодисменты собравшихся М. С. Горбачев прикрепил орден к знамени города.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

На снимке: член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев прикрепляет награду к знамени города Курска.

Фото О. Сизова и В. Кузьмина (ТАСС)

6 июля из Москвы в Киев отбыл Федеральный канцлер ФРГ Г. Коль. Он находился в СССР по приглашению советского руководства.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета гостя провожали Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

В Киеве Г. Коля встречали Председатель Совета Министров Украинской ССР А. П. Ляшко, другие официальные лица.

В этот же день состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкого с Г. Колем.

Беседа прошла в деловой и откровенной обстановке.

Состоялась также беседа А. П. Ляшко с Г. Колем.

7 июля из Киева на родину отбыл Федеральный канцлер ФРГ Г. Коль.

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ ИЗ АФГАНИСТАНА

Участники встречи в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки.

Фото Л. Шерстенникова

В Советском комитете солидарности стран Азии и Африки состоялась встреча с членами делегации Демократической Республики Афганистан, принимавшими участие в работе Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь, против ядерной войны» в Праге.

В составе афганской делегации — видные общественные деятели, представители племен, деятели мусульманской религии, ученые, журналисты — члены национального отечественного фронта, руководители отрядов защитников революции.

В зале, где проходила встреча, была развернута фотовыставка «СССР — Афганистан: дружба и сотрудничество», выставка плакатов. Друзей из Афганистана сердечно встретили представители советской общественности.

Гостей горячо приветствовал дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. В. Аксенов, другие товарищи.

С большим интересом слушали участники встречи выступление В. В. Аксенова, передавшего наилучшие пожелания всем членам делегации от имени Президиума СКССАА, широкого актива Советского комитета солидарности, всей советской общественности и от имени советских космонавтов.

В своем выступлении В. В. Аксенов подчеркнул также, что у человечества нет более важной задачи, чем сохранение мира на земле. Во время полета космонавты видят, какая маленькая наша голубая планета, наш дом, который все народы должны бережно хранить.

Касаясь всестороннего укрепления дружбы и сотрудничества советского и афганского народов, он предположил, что недалек тот день, когда посланцы славного афганского народа вместе с советскими братьями будут штурмовать космические высоты.

В своих выступлениях представители советской общественности заявили о горячей солидарности с борьбой афганского народа, против происков империалистической реакции, за утверждение атмосферы мира и добрососедства в районе Юго-Западной Азии.

Они выразили чувства глубокой симпатии и уважения советских людей к трудящимся Афганистана, которые под руководством НДПА и правительства ДРА ведут самоотверженную борьбу за построение новой жизни в своей стране.

Выступившие на встрече члены афганской делегации выразили искреннюю признательность советскому народу и правительству Советского Союза за бескорыстную всестороннюю помощь Демократической Республике Афганистан, подтвердили неразрывность уз дружбы и солидарности между афганским и советским народами.

С искренним волнением рассказали о своей судьбе члены делегации Шах Назар и Гулям Расул, которые не так давно возглавляли контрреволюционные формирования, но затем перешли на сторону народной власти и стали ее решительными сторонниками, защитниками революции. По их просьбе они были включены в состав делегации, с тем чтобы на Пражском форуме рассказать правду о вмешательстве сил империализма во внутренние дела Афганистана.

В завершение встречи выступила ответственный секретарь Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана Шафина Размнда, которая поблагодарила за теплый, дружеский прием, передала привет и наилучшие пожелания от братского афганского народа, активистов Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана, ее руководства.

ПУСТЬ СЛОВО ДЕЛОМ ОТЗОВЕТСЯ

Е. ШИРЯЕВ,
токарь инструментального цеха объединения «Ленинградский Металлический завод», пропагандист, заслуженный работник культуры РСФСР

С понятным волнением я и мои коллеги-пропагандисты объединения «Ленинградский Металлический завод» знакомились с материалами июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

Доверяя пропагандистам ответственнейший участок идеологической работы, партия требует от каждого из нас прежде всего конкретного личного вклада в реализацию решений XXVI съезда КПСС, ответной связи слова с делом. «Смысл политической учебы в том, чтобы каждый глубже понял политику партии в условиях сегодняшнего дня, умел применять на практике получаемые знания, яснее представлял себе и выполнял на деле свой собственный долг»,— отмечал на Пленуме товарищ Ю. В. Андропов. И именно с этой точки зрения оцениваем мы достигнутое, смотрим в будущее, хорошо понимая, что каждый следующий шаг вперед будет труднее предыдущего, ибо стремительное развитие общества, науки и техники ставит все более и более сложные задачи.

За прошлую пятилетку, например, наш инструментальный цех заметно увеличил объем выпуска продукции. А в нынешней должен наращивать темп, уже ориентируясь на достигнутое, но ведь это гораздо сложнее, если еще учесть, что рост будет обеспечиваться не за счет привлечения дополнительной рабочей силы, а исключительно за счет внутренних резервов.

Такую актуальную проблему поставила жизнь и перед нашей цеховой школой основ марксизма-ленинизма, в которой занимаются шестнадцать человек. О каждом из них могу сказать немало добрых слов. Коммунисты токарь В. Рымашевский, термист В. Снегирев, токарь В. Быков... Они ветераны завода, их трудом ковалась слава ныне всемирно известного предприятия. Их житейский, производственный опыт — богатство, которым они щедро делятся с товарищами по школе.

Вместе мы учимся нестандартно подходить к решению возникающих вопросов, искать убедительные аргументы в самых острых спорах, делом, а не просто цитатами подкреплять положения и выводы партийных документов.

Возьмем такую важнейшую проблему, как интенсификация производства. В условиях нашего цеха, занятого выпуском сложной мелкосерийной продукции (десятки тысяч различных изделий ежегодно), особое значение приобретает внедрение бригадного подряда. Казалось бы, преимущества его неоспоримы, давно доказаны и всем хорошо известны. Теоретически все «за». Но когда дело доходит до практического использования этого метода, требующего и времени, и сил, и на первых порах, возможно, даже небольшого снижения заработка некоторых товарищей, убеждаешься, насколько болезненно проходит процесс ломки устоявшихся взглядов, привычек.

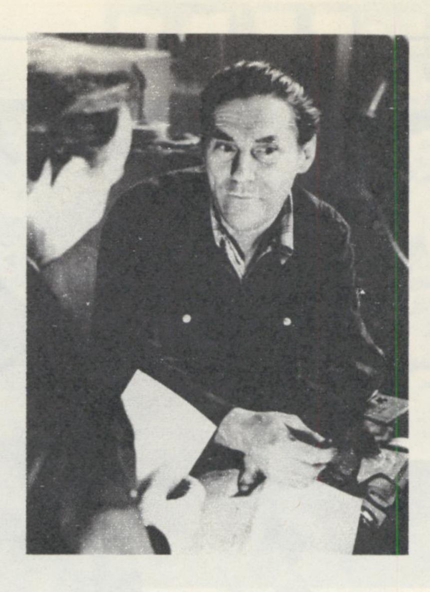
Как должен поступать в этой ситуации пропагандист? Убеждать словом? Само собой. Однако куда действеннее будет, если за словом последует личный пример. И вот прекрасные, к тому же высокооплачиваемые специалисты — слушатели школы В. Рымашевский, В. Снегирев, В. Жданов — становятся членами таких бригад.

«Важнейшим звеном нашей работы является **борьба за повышение эффективности производства и качества продукции**,— подчеркивал в своем докладе на Пленуме товарищ К. У. Черненко.— На это должны быть направлены социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду, усилия каждого коллектива, ученых и специалистов.

Какой вклад здесь может внести система пропаганды и воспитания? Весьма существенный. И прежде всего активно **формировать новый тип экономического мышления**, нацеленного на инициативу и социалистическую предприимчивость, на повышение ответственности, творческий поиск путей, ведущих к наилучшему конечному народнохозяйственному результату при наименьших затратах».

Вспоминается горячее время, когда в объединении рождался знаменитый генератор мощностью 1 миллион 200 тысяч киловатт. Нам, в частности, доверили создание сложнейших сверхточных фрез, нужных для изготовления ротора турбины. Чтобы выдержать необходимые ювелирной точности параметры, профиль фрезы требовалось не один раз проверить на оптическом проекторе. А он не был приспособлен для фрез такого калибра. Задержка во времени грозила нешуточная, но выручила смекалка — нам удалось довольно быстро смастерить специальное съемное приспособление к проектору. Нам — это бригаде творческого содружества, идея создания которой родилась на одном из занятий, посвященных изучению экономической стратегии партии. Взяв шефство над внедрением в производство рационализаторских предложений, бригада содействовала досрочному осуществлению около десяти интересных задумок слушателей школы, что принесло немалую прибыль.

Если же говорить о предприятии в целом, то по инициативе пропагандистов в объединении только за годы минувшей пятилетки было организовано 496 бригад творческого содружества, разработано свыше десяти тысяч инженерных, личных и бригадных комплексных планов повышения эффективности труда. За это же время только слушателями школ и семинаров подано 4,5 тысячи рационализаторских предложений, общий экономический эффект которых составил 1,6 миллиона рублей.



Такова материальная отдача слова, если оно искренно и аргументированно, продиктовано убежденностью и подкреплено прочными знаниями. А главное, интересно для слушателей.

Каждому из нас приходилось бывать на занятиях, где люди в прямом смысле этого слова клюют носом, убаюканные потоком гладких, избитых фраз, не задевающих ни слуха, ни воображения.

Подобный чистейшей воды формализм бывает там, где работа пропагандиста пущена на самотек, никак практически не увязана с живым делом. Ну и, разумеется, если сам он лишен дара убеждать, неинтересен как собеседник, не повышает свой культурный, общественно-политический уровень.

Первое свое идеологическое «звание» — боец-агитатор — я получил на фронте, в Прибалтике. Наверное, справлялся с ним неплохо, за плечами было семь классов школы, некоторый опыт комсомольской работы в Минусинске, а главное, жила в душе неистребимая ненависть к фашистам, которая и подсказывала перед боем самые яростные, самые точные слова. Воевал я в пехоте, командовал пулеметным расчетом «Максим», а что это такое — объяснять не надо. За первый же год получил два ранения, одно из которых серьезное. И сейчас вспоминаю те дни, вспоминаю, как бойцы внимательно и серьезно относились к моим по-юношески горячим речам (было мне тогда всего восемнадцать лет).

Да и позже жизнь не раз подтверждала: личный авторитет для пропагандиста — вещь первостепенно важная. Подлинный контакт с аудиторией невозможен без искреннего уважения слушателей. Знаю, что таким уважением пользуются контролер ОТК нашего цеха И. Севастьянов, начальник бюро ОГТ П. Дмитриевский, начальник 7-го цеха Э. Карапетов и другие наши лучшие пропагандисты. О каждом можно сказать немало хорошего, но мне особо хотелось бы подчеркнуть их эрудированность. Любая беседа, если это взаимно интересный, откровенный диалог, в деталях непредсказуема, и надо обладать немалым запасом знаний, чтобы быть в ней ведущим, а не ведомым.

В начале каждого учебного года я детально обсуждаю со слушателями свой личный творческий план. Что это такое? Его идею мы заимствовали у коллег с Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича. Съездили в Москву, ознакомились с опытом ильичевцев на месте и, переняв лучшее, разработали свой вариант плана, который после ряда внесенных жизнью поправок принял сейчас наиболее удачную, как нам кажется, форму. В нем четыре основных раздела, включающих, в частности, обязательства пропагандистов по повышению идейно-политического уровня, трудовой и общественной активности слушателей; предусматривающих использование активных форм и методов обучения; меры, способствующие росту идейно-теоретического багажа самого руководителя занятий, повышению его мастерства; и, наконец, непременный отчет о выполнении плана минувшего года.

Каждый из разделов заслуживает отдельного обстоятельного разговора, но в данном случае важна суть: личный творческий план прижился, справедливости ради замечу, не сразу. Тем не менее он убедительно доказал свою пользу, точно отражая уровень работы и самого пропагандиста и его слушателей.

По инициативе слушателей занятия по теме «Ленинский план построения социализма в СССР» мы решили провести в филиале Центрального музея В. И. Ленина, где подробно познакомились с историческим материалом, где зримо, наглядно ощутили силу великих ленинских предвидений. Столь же полезной оказалась и наша встреча с работниками Политиздата. Однажды термист Б. Башкин предложил сделать сообщение о некоторых технических новинках. Принес журнал «Изобретатель и рационализатор», где появилась заинтересовавшая его статья, познакомил товарищей с новой методикой термической обработки режущего инструмента холодом. Идея эта увлекла многих. И была создана инициативная группа, взявшая на внедрение новшества.

Перекинуть мост от теории к практике, приблизить занятия к жизни — важнейшая обязанность пропагандиста. Помню, мы обсуждали проблемы технического прогресса, говорили о мировых стандартах, о преимуществах нашей социалистической системы хозяйствования. Во время развернувшейся дискуссии убедительнее всего прозвучали примеры из практики нашего заводского коллектива.

Радуют меня не только производственные успехи слушателей. В не меньшей степени радует и их активная жизненная позиция. И тут многое зависит от умения пропагандиста донести полученные им знания до товарищей, толково разъяснить те или иные положения партийных документов, толково проанализировать, откуда берутся возникающие трудности и как конкретно на своем рабочем месте можно помочь их устранению. Такую работу идейно убежденный человек должен вести при различных ситуациях, когда необходимо дать отпор нелепым слухам, откровенно враждебным домыслам. В этом и заключается наступательный характер нашей пропаганды. Приятно отметить, что такая, как говорится, готовность к «бою» характерна почти для всех слушателей нашей школы. Они являются хорошими агитаторами, политинформаторами, рабкорами, людьми, не только обладающими четкими личными убеждениями, но и активно их утверждающими.

Такие качества отличают большинство наших товарищей, составляющих идеологический актив объединения,— около трех тысяч человек. Это реальная, большая сила, словом и делом способствующая выполнению заданий одиннадцатой пятилетки.

Е. МЕНКЕС,
корреспондент ТАСС

СЪЕЗД БЕЗРАБОТНЫХ

Чикагцы говорят, что в Соединенных Штатах есть три «главных города». Один из них, на восточном побережье,— Нью-Йорк. Главный город Тихоокеанского побережья — Лос-Анджелес. «Ну, а столица всех остальных Соединенных Штатов — конечно, Чикаго».

Если правда, что американские города полны контрастов, то это вдвойне справедливо для «города ветров», как частенько именуют Чикаго. Он и самый «небоскребный» (в центре высится аспидная, с неровными, «изломанными» стенами башня самого высокого здания в мире — штаб-квартиры корпорации «Сирс») и самый зеленый из всех крупных городов страны. Город мощного пролетариата и мрачной славы мафиози— «мокрых» дел мастеров. Город, где в прошлом веке зародилась традиция первомайских выступлений трудящихся,— и город крупнейшей в мире товарной биржи, где капиталисты чувствуют себя как рыба в воде. «Чикагцы не становятся президентами — они решают, кто им станет»,— говорят здесь. И нелегко понять, где тут граница между тем, что сказано в шутку, а что и всерьез.

Новые для Америки веяния проявляются сначала на побережьях, заметил недавно «Нью-Йорк таймс мэгэзин». «Однако они становятся тенденцией, лишь когда захватят Чикаго». Видимо, это справедливо, в особенности если учесть, что статья в журнале была посвящена недавним выборам мэра Чикаго, на которых, как известно, победил видный негритянский политический деятель Гарольд Вашингтон. Он не первый чернокожий мэр в США. Но он первый негр, который стал мэром столь крупного города и столкнулся на этом посту с отчаянным сопротивлением белых расистов.

Словом, когда несколько недель назад здесь было объявлено, что в Чикаго в первых числах июля пройдет общенациональный съезд безработных США, никто не удивился. Напротив, многие увидели в этом символику. Уровень безработицы здесь, в Чикаго, выше среднего общенационального и достигает 12,5 процента. Всего в штате Иллинойс более 750 тысяч безработных, в большинстве своем это промышленный пролетариат.

Именно здесь 53 года назад, в 1930 году, в период «великой депрессии», уже собирался национальный съезд безработных. Тогда его участники заявили о своем возмущении попытками правительства и капиталистов переложить все бремя кризиса на плечи рабочих. Они создали национальные советы безработных, которые повели упорную и многотрудную борьбу за осуществление прав безработных. Организаторы «съезда-83» показали нам некоторые листовки и документы 53-летней давности. «Долой угнетение!», «За права трудящихся!», «Средства на помощь безработным!», «Руки прочь от Советской России!» — вот лозунги, начертанные на некоторых из них. «Все это в равной степени могло бы быть написано буквально вчера»,— сказал знакомивший нас с этими документами член оргкомитета съезда Джим Уильямс.

...Накануне съезда, вечером, с озера Мичиган на Чикаго пришла мощнейшая гроза. Сполохи молний на секунду превращали стоящие вдалеке небоскребы в пылающие факелы. Низвергавшиеся в течение нескольких часов потоки дождя в буквальном смысле слова смыли «рейганвилл» — палаточный городок, который по согласованию с городскими властями начали возводить члены оргкомитета для прибывавших сюда делегатов. Тенты и старые палатки пришлось свернуть, картонные коробки были брошены. Людей же пожарными темпами разместили в домах чикагских активистов, в спортзалах школ, в близлежащих церквах.

— Власти не увидят здесь «рейганвилла», однако сотни его двойников разбросаны по всей стране,— сказал нам на следующий день один из организаторов съезда, профсоюзный лидер Скотт Маршалл.— Тем не менее уже сам факт проведения съезда безработных, по нашему мнению, является суровым обвинением в адрес экономической политики нынешнего правительства. По призыву оргкомитета в Чикаго прибыли около 500 человек из 22 штатов. Они представляют 81 город, 115 различных организаций, в том числе 32 профсоюза.

Многим собравшимся в скромном, но просторном зале «Сентро де ла Коза», где размещается одно из отделений городской библиотеки, запомнился основной доклад, с которым выступил на первом пленарном заседании Фрэнк Лэмпкин, профсоюзный деятель, который вот уже в течение пяти лет не имеет работы. Он глубоко проанализировал причины нынешнего плачевного положения в американской экономике и катастрофически высокого уровня безработицы. «Президент Рейган проводит курс, выгодный лишь монополистам и корпорациям, которые выкачивают из бюджета США миллиарды долларов,— сказал он.— В то же время Белый дом продолжает урезать ассигнования на помощь безработным. Президент утверждает, что экономический спад уже позади, что экономика, мол, «пошла на поправку». Однако мы не видим никакого экономического выздоровления».

В ходе двухдневных дискуссий на съезде выступили десятки делегатов, прибывших сюда со всех концов страны. Они указали на явную фальшь официальных данных по безработице. Как отмечалось в подготовленных к съезду документах, на самом деле свыше 20 миллионов американцев полностью либо частично безработные.

«Если бы в Белом доме заседало правительство, которое бы заботилось об американцах, не было бы никакой необходимости проводить подобный съезд,— сказал Чарльз Хейз, вице-президент международного профсоюза рабочих пищевой промышленности и торговли.— Готовясь к предвыборной кампании 1984 года, Рейган хотел бы, чтобы мы забыли его политику поддержки богачей и пренебрежение интересами рядовых американцев. Он хотел бы, чтобы мы закрыли глаза на его более чем 200-миллиардный военный бюджет и на развернутое им наступление на права рабочих. Однако мы ему этого не забудем!»

В перерыве делегаты дружно отправляются в комнатку, где сотрудники оргкомитета раздают им бутерброды с рыбным салатом и бумажные стаканчики с кофе. Для некоторых это первая за несколько дней возможность поесть. Под мышкой у многих — привезенные с собой старенькие одеяла, которые выполняют сразу много функций — плаща, матраца, подушки, постельного белья, а также собственно одеяла. Мы, журналисты из СССР и ГДР, притихшие, сидим в сторонке. Хотя гостиница, где мы живем, вовсе не из шикарных, почему-то все-таки совестно вспоминать, что ты спал на кровати и имел ночью крышу над головой.

Немного позже делегаты разбиваются на группы, завязываются живые дискуссии. Тональность их различна. Для многих доминантой является недоумение. Многим здесь неясно, почему в самой богатой капиталистической стране мира десятки миллионов людей не имеют работы, крыши над головой, голодают. Иные не верят в возможность улучшения такого положения. «Благосостояние практически недостижимо, как недостижима была бы вершина нашего небоскреба «Сирс», если бы вы решили добираться до его 109-го этажа без лифтов и лестниц»,— мрачно замечает один из делегатов. Видимо, он раз и навсегда убедился, что в США вообще никуда не добраться, если не имеешь «лифтов» и «лестниц», имя которым «белый цвет кожи», «происхождение из обеспеченной семьи», «нужные связи», «склонность к участию в различных махинациях».

Заговариваем с женщиной лет тридцати. У нее на руках двухлетняя девочка. Ее сестре года на два больше. Она здесь же, возле матери. «Да,— вздыхает Роберта Вуд (она из Хэммонда, штат Индиана),— девочек девать некуда. За детский сад платить нечем. Впрочем, как и за многое другое. Некогда я работала на одном из заводов компании «Ю. С. стил». Однако попала под увольнение. В таком же положении оказался и мой муж. Он безработный уже в течение трех лет. Пособия по безработице ничтожно малы. На них можно либо купить немного продуктов, либо оплатить счета за газ и электричество. Жаль, что одни и те же деньги нельзя потратить два раза...»

Всех делегатов объединяют чувство возмущения политикой Рейгана и уверенность в том, что необходимо предпринять какие-то меры, чтобы защитить интересы трудящихся. «Мне плевать на объяснения и извинения правительства,— горячится Франклин Александер, безработный докер из Лос-Анджелеса.— Я, как и многие мои товарищи, безработный, мне не на что кормить семью. И поэтому меня буквально душит возмущение».

Хотя съезд посвящен социально-экономическим проблемам, большинство делегатов постоянно ссылается на гигантские военные расходы нынешней администрации как на одну из главных причин дальнейшего углубления кризиса в экономике. 29-летний Мелвин Чэппел — один из тех, кто относится к числу «ненанимаемой» молодежи. Несколько лет назад он окончил университет в Нью-Йорке, но так никогда и не имел постоянной работы, перебиваясь случайными заработками. Он активист социалистического молодежного союза. «Я думаю, что Соединенным Штатам прежде всего необходимо прекратить наращивать свои вооружения, в первую очередь ядерные,— говорит он нам.— Ибо именно официальный Вашингтон угрожает миру ядерной войной. Именно он использует свои гигантские арсеналы оружия для проведения авантюристической интервенционистской политики во многих регионах мира. Такой курс непосредственно отражается на положении миллионов американцев. Вместо того, чтобы тратить средства на все новые вооружения, администрации Рейгана следовало бы прежде всего подумать о нуждах рядовых граждан США».

Итоговое пленарное заседание. Громом аплодисментов участники встречают объявление о создании здесь принципиально новой, массовой, охватывающей большую часть страны организации, которая названа «Национальный конгресс организаций безработных». Определены ее задачи, избрано руководство, Ф. Лэмпкин стал национальным председателем.

В Чикаго вновь вершится история. Ко всем другим оттенкам спектра своей славы «город ветров», отмечающий в нынешнем году свое 150-летие, добавляет новое качество. Как и более полувека назад, он вновь становится столицей безработных США, столицей американских трудящихся, ведущих решительную борьбу за свои права.

Специально для «Огонька»

Чикаго.

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
на Ближнем Востоке

ЛИВАН:
СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАНТАМ

Когда до города Сайда оставалось всего несколько километров, наша машина остановилась среди десятков легковых и грузовых автомобилей, плотно забивших ведущее на юг Ливана шоссе.

Израильские солдаты в пуленепробиваемых жилетах метались по краю дороги, стараясь открыть путь своим бронетранспортерам и вооруженным пулеметами «джипам». Со стороны Бейрута, с севера, подъезжали грузовики, набитые израильтянами. Наконец оккупанты очистили от ливанских машин край шоссе, и израильская военная колонна двинулась к Сайде. Нам пришлось простоять без движения более часа.

Ливанцы наблюдали за израильтянами с нескрываемыми усмешками. Мы спросили у водителя грузовика, что здесь произошло.

— То, что происходит в Ливане каждый день,— ответил нам пожилой шофер.— Какие-то люди взорвали израильский патрульный «джип». Как всегда, пытаются поймать партизан. Но это им почти никогда не удавалось...

А несколькими днями раньше в другом конце страны четверо ливанцев обстреляли колонну интервентов в горах. Смельчакам не удалось уйти, и они приняли неравный бой. Все четверо сражались до конца и погибли, как настоящие патриоты, но не сдались.

Не проходит дня, чтобы израильтяне не понесли урона от атак партизанских групп на всей оккупированной территории Ливана — от дальнего юга до окраин Бейрута. Всем ясно, что патриотические силы не хотят мириться с продолжающейся уже более года израильской оккупацией.

В ответ на это сионисты ужесточают террор. В эти дни сионистское руководство приняло план так называемого частичного отвода своих войск до реки Авали севернее города Сайда. А это значит, что огромный кусок ливанского юга, включая Сайду, останется в руках оккупантов «на неопределенное время»... Ведь не зря сионистская пропаганда уже много лет дает понять, что юг Ливана с его плодородными землями и реками, несущими воду в оросительные системы,— это не что иное, как «законная» часть «Великого Израиля».

Для того, чтобы подавить растущее сопротивление жителей южных городов и деревень, «цивилизованные» сионисты применяют методы, отдающие самым мрачным периодом средневековья. По этой части у «Великого Израиля» есть солидная практика. Достаточно вспомнить кровавую и позорную блокаду Бейрута прошлым летом. Лишить мирное население воды, пищи, медицинской помощи — любимый «стратегический» прием израильского военного командования. Тогдашний министр обороны Шарон морил жаждой и голодом детей и женщин в Западном Бейруте. Одновременно этот генерал убивал мирное население окруженного города снарядами, ракетами и бомбами. Теперь новый министр обороны Израиля, бывший посол в США Аренс, перенимает опыт своего предшественника. Но так как сегодня было бы уже совершенно неприлично напустить на какую-нибудь беззащитную ливанскую деревню эскадрилью бомбардировщиков, как делал Шарон во время войны, господин Аренс поступает несколько иначе.

Недавно в районе деревни Дейр-Канун, в одиннадцати километрах на северо-восток от города Тир, партизаны атаковали израильский патруль. Трое солдат было убито. Оккупанты принялись прочесывать местность, были подтянуты подкрепления и вызваны вертолеты. Многочасовые поиски не привели ни к чему. Хуже того — в окружающих деревню цитрусовых садах бесследно исчез еще один солдат.

Население Дейр-Кануна не сообщило никаких сведений о партизанах и не оказало оккупантам никакой помощи. Тогда израильтяне окружили деревню кольцом танков и боевых машин и начали блокаду. Мирные жители были лишены воды и продовольствия. Так израильская армия, постоянно объявляющая себя «самой гуманной в мире», снова в годовщину блокады Бейрута показала свое настоящее лицо. Прошла неделя, и израильским частям пришлось снять осаду Дейр-Кануна. Возмущение и решительные протесты общественности заставили интервентов прекратить эту грязную акцию.

Израильские солдаты уже не раз стреляли в южном Ливане по женским демонстрациям. Неподалеку от города Набатия израильская армия открыла новую тюрьму специально для женщин. Там томятся ливанки и палестинки за протест против оккупации. Почему именно женская тюрьма? Да потому, что о мужчинах оккупанты «позаботились» уже давно, с первых же дней вторжения, создав под той же Набатией огромный концентрационный лагерь Ансар, где израильтяне держат тысячи ливанцев и палестинцев.

Горе вдов и сирот. Фото автора

Многие ливанские и аккредитованные здесь иностранные журналисты, и мы в том числе, пытались побывать в Ансаре, но всегда безрезультатно. Мы видели, что подступы к лагерю тщательно охраняются, а весь район патрулируется бронетранспортерами и боевыми машинами израильтян. Со сторожевой вышки у въезда в Ансар дорога просматривается на несколько километров.

Создав концлагерь, сионисты заключили в него более десяти тысяч человек. Один из бывших узников Ансара рассказал нам, что, захватив Сайду, оккупанты согнали на берег моря сотни жителей города, много часов держали без воды и пищи, били людей и издевались над ними. Потом их партиями по двадцать — тридцать человек перевезли в концентрационный лагерь.

Помимо заключенных в Ансаре, более тысячи узников из Ливана находится в тюрьмах на территории Израиля. Человек, рассказавший нам о своих мучениях, побывал и в израильской тюрьме.

— Нас привезли в Израиль и вытолкали прикладами из грузовика на площади какого-то небольшого городка. Группа израильских девушек и парней принялась швырять в нас гнилыми помидорами и выкрикивать оскорбления. От голода, жажды и переутомления мы еле стояли на ногах. Несколько узников упали прямо на асфальт и не могли подняться. Мы подняли их, прислонили к грузовику, а озверевшая израильская молодежь плевала нам в лицо и грязно ругалась. Охранники делали вид, что ничего не замечают. К счастью, подошли пожилые люди и прогнали хулиганов.

В годовщину начала войны заключенные Ансара — ливанцы и палестинцы — провели антиизра-

ильскую демонстрацию, требуя своего освобождения и вывода израильских войск из Ливана. Узники выкрикивали в лицо тюремщикам обвинения в жестокости и бесчеловечности. Израильское радио сообщило, что один заключенный застрелен охраной «при попытке к бегству».

Министр обороны Израиля Аренс, в чьем ведении находится Ансар, недавно сообщил прессе, что из лагеря бежало четыре человека, а девятнадцать узников умерло; о причинах их гибели сказано не было.

Несмотря на самые серьезные меры по обеспечению своей безопасности, оккупационные войска Израиля не имеют в Ливане ни минуты покоя.

На всем южном шоссе от окраин Бейрута до Тира израильтяне обыскивают проезжающие через контрольные пункты ливанские машины. На дорогах создаются многочасовые пробки, многокилометровые очереди: ведь в Ливане автомобиль — единственное средство передвижения. Одновременно оккупанты стараются не пропускать на юг грузовики с продовольствием и товарами, чтобы заставить население юга покупать израильскую продукцию, экономически отрезать оккупированную территорию от остальной части страны. Негоцианты из Израиля зарабатывают на этом миллионные суммы в твердой ливанской валюте, а контрабанда на израильско-ливанской границе приняла огромные масштабы.

Кстати, о контрабанде и мародерстве. Через год после начала израильской агрессии против Ливана в местной прессе появилась — из израильских источников — такая, в частности, информация.

Три солдата ограбили сиротский приют в лагере беженцев Бурж Шемали у города Тир на сумму в тридцать четыре тысячи ливанских лир.

Два солдата под предлогом поисков «террористов» обчистили две квартиры в Сайде на сумму в 16 750 ливанских лир.

Имея дело с международными профессиональными контрабандистами, группа израильских вояк пыталась протащить домой тридцать девять килограммов наркотиков.

Одновременно, помимо огромного количества видеосистем, телевизоров и магнитофонов, направляясь в отпуск, бравые солдаты «тащили в дом» или на продажу незарегистрированное оружие — 530 автоматов и пистолетов, 31 ручной гранатомет, 14 пулеметов и даже одну установку для пуска ракет.

О методах борьбы с мирным населением оккупированных районов нередко сообщают и сионистские средства информации. Например, не так давно диктор радиостанции «Кол Израэл» прочитала в самом жизнерадостном тоне сообщение, вызвавшее гнев и возмущение на всем Ближнем Востоке. Израильтяне, чтобы «наказать» жителей деревни на Западном берегу Иордана, около которой их машины подверглись нападению, залили бетоном окна и двери домов, в которых жили подозреваемые люди. Что ж, и средневековые инквизиторы не могли бы придумать лучше.

Набатия — Тир — Сайда.

Специально для «Огонька»

Высокая цель

Страна вот уже более года живет одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственной программой. Цель этой программы — в возможно более сжатые сроки решить задачу бесперебойного снабжения населения продуктами. Но знать о цели мало, необходимо всем нам усвоить содержание программы нашей жизни на период до 1990 года. Намеченное грандиозно. Все это убедительно показал в своей книге доктор исторических наук К. М. Боголюбов. Именно исторический подход к анализу нового этапа аграрной политики КПСС делает эту книгу живой: на ее страницах тесно увязаны насущные проблемы народного хозяйства с борьбой трудящихся за хлеб, социалистическую деревню в недалеком прошлом. Ибо и сегодня, напоминает автор, актуально положение К. Маркса: «производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще...»

В книге отмечается, что реализация Продовольственной программы — задача первостепенной важности, имеющая большое социально-политическое и экономическое значение. «...Влияние программы,— читаем мы,— на развитие страны огромно: по своему характеру и масштабности она призвана обеспечить прогресс всего народного хозяйства».

Автор откровенен с читателем, и принятая им тональность серьезного, озабоченного реальными проблемами дня диалога вызывает ответное доверие к написанному.

Продовольственная программа реализуется не только на земле, в полях и на фермах,— и тем не менее именно в селе происходят в эти дни сдвиги, животворные процессы, ведущие к успешному выполнению намеченного. Автор среди многих примеров приводит и экономические показатели вологодского колхоза «Родина». Расположено хозяйство в Нечерноземной зоне РСФСР, казалось бы, на землях, не столь уж и плодородных. Но издавна, из года в год колхозники получают здесь весомые урожаи зерна и кормовых культур. Планы трех последних пятилеток они выполнили. За это время среднегодовой объем производства в колхозе превысил уровень 1961—1965 годов почти в два с половиной раза. Главное, урожайность зерновых возросла почти в три с половиной раза, а кормовые ресурсы увеличились в пять раз. Автор словно бы говорит читателю: тут вам и объяснение успехов, тут и путь реализации Продовольственной программы. Все от земли, от усердия и грамотности тех, кто остается каждодневно один на один с полем, будь оно в Нечерноземье, на Украине или в Казахстане. В этом смысле автор приводит большое количество конкретных примеров, фактический багаж книги огромен, потому и читать ее интересно.

К. М. Боголюбов пишет, что рост общественного хозяйства идет в неразрывной связи с укреплением его материально-технической базы, улучшением условий труда и быта работников сельскохозяйственного производства. Дальнейшее улучшение жизни в селе, сельском районе — ключ к проблемам развивающейся экономики! Без решения вопросов социально-культурного строительства, без внедрения проведенной на опыте передовиков системы оплаты труда и морального поощрения тех, кто работает творчески и с полной отдачей, нельзя рассчитывать на достаточно скорое и качественное выполнение производственных планов. В книге подробно рассказано о жилищном строительстве села Гребнево, Рязанской области, по существу, села нового, современного. И автор всячески акцентирует внимание читателя на связь между всеми видами, так сказать, забот о селе с его экономикой. Огромны капиталовложения в сельское производство, есть у нас и достижения науки и техники, идет полным ходом перестройка хозяйственного механизма и методов управления производством в сельских районах, но все еще пока невелика отдача реального гектара пашни, пастбища, луга, да и темпы освоения средств, достижений науки и техники нас не удовлетворяют. Автор прослеживает нелегкие будничные пути реализации Продовольственной программы.

Тут решающая роль принадлежит РАПО.

«Навести порядок на земле — таково требование времени» — этот тезис К. М. Боголюбова помогает понять главное. Автор пишет: «Новая система управления... открывает огромные возможности для использования резервов экономики. Она будет способствовать устранению межведомственных барьеров, повышению общей заинтересованности в получении высоких конечных результатов...» Автор приводит слова Ю. В. Андропова из доклада на торжественном заседании, посвященном шестидесятилетию образования СССР: «Вся страна работает сейчас над выполнением Продовольственной программы. В ней ясно определены конкретные задачи для всех союзных республик». И мысль об ответственности за претворение в жизнь аграрной политики КПСС на новом историческом этапе проходит красной нитью через книгу К. М. Боголюбова, насыщенную как экскурсами в нашу советскую историю, так и анализом сегодняшнего состояния экономики сельского хозяйства страны.

Книга К. М. Боголюбова по-своему страстна и, конечно же, наступательна в смысле ясного представления о реалистичности открывшихся путей осуществления главной программы нашей советской жизни.

М. СИНЮКОВ,
ректор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, академик ВАСХНИЛ

К. М. Боголюбов. «Продовольственная программа СССР: содержание и пути реализации», М., Политиздат, 1983, 191 с.

19 ИЮЛЯ — 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

Во весь

Анатолий СОФРОНОВ

Назвав так эту статью, я, по существу, определил ко всей поэзии Маяковского, к нему самому и свое личное отношение, ибо для меня поэзия Маяковского начала звучать, когда я еще учился в 6-м классе школы. Конечно, каждый по-своему приходит к поэзии. Но — и от этого никуда не уйдешь — поэзия властно занимает место не только в сознании, но и в сердцах людей, ибо на каждого читателя строки того или иного поэта начинают влиять еще в самом начале жизни. Мне повезло: именно в то самое время, когда, говоря словами Маяковского, в тине моего ребячьего сердца начала барахтаться глупая вобла воображения, в Ростове-на-Дону, учеником шестого класса два вечера подряд я слушал самого Владимира Маяковского, особенно запомнив впечатляющие строфы его поэмы «Хорошо!», как, впрочем, и другие его стихи тех лет.

Мне уже однажды приходилось вспоминать один из эпизодов на этих вечерах Маяковского в Ростове. На сцену вдруг выскочил маленький, щупленький человечек в пенсне и тонким голоском закричал: «Маяковский, ваши стихи умрут раньше вас!» И еще что-то подобное. Маяковский дал ему выговориться, стоя над ним со скрещенными на груди руками, а затем не торопясь сказал: «А вы не умрете. Вам поставят памятник. И это будет памятник пошлости. И вороны будут летать над вашей головой и делать свое обычное воронье дело...» Человечек почти бегом покинул хохочущий зал. Маяковский, обождав, когда он скрылся за дверью, продолжил чтение.

Порой на страницах газет и журналов у нас возникают дискуссии «Маяковский и новаторство», «Влияние Маяковского на современную поэзию»... Возможно, эти дискуссии и нужны, но, по-моему, они мало что дают уму и сердцу не только поэтов, но и главным образом читателей. До сих пор иногда мы слышим высказывания: «Я не понимаю стихов Маяковского», «Я не люблю поэзию Маяковского». Что же в этом случае делать нам, любящим и понимающим поэзию Маяковского? Спорить с ними? Зачем? Поэзия — такая область, которую не заставишь любить приказным способом. Она сама собой входит в существо человека, в его сердце и сознание, в его чувства. Любить Маяковского — это совсем не значит изменять Пушкину. «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!», «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза». Пушкин и Маяковский. Противоречат ли эти строки друг другу? Нет, конечно. Только при Пушкине не было Советского Союза, но любовь к родной земле, к своей Родине была такой же сокровенной, как любовь Маяковского к той же самой родной земле.

«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли,— Москва». Да, у Маяковского много было связано не только с самим Парижем, но и, как известно, с человеком, жившим в ту пору в Париже. Они, эти чувства, стоят словно бы за пределами поэзии, но для поэта чувства и поэзия всегда вместе.

Не так давно в одной из внутренних рецензий на сборник моих статей, в который были включены и мои прежние статьи о Маяковском, вдруг были отнесены «к рапповским» замечательнейшие строки Маяковского: «И тот, кто сегодня поет не с нами, тот — против нас». Всего лишь, ни больше ни меньше! Но мы-то видим, что чем дальше мы живем, тем больше обостряется идеологическая борьба между миром империализма и миром социализма, тем громче и роднее для каждого сердца, бьющегося на социалистической земле, была, есть и будет и вся поэзия Маяковского и эти его строки. И уж какая здесь рапповщина?! Если вспомнить, то как раз самые махровые рапповцы и пытались клеветать на Маяковского. Только за два-три месяца до смерти Маяковского под давлением здоровых сил литературы они были вынуждены сдаться, и Маяковский был принят в РАПП.

Маяковский был и остается для моего, теперь уже считающегося в литературе старшим, поколения — для нас, в пору жизни Маяковского бывших молодыми его последователями — самым близким по духу поэтом. Казалось бы, неожиданный вопрос — почему же так сразу был принят нами, людьми в ту пору более молодыми, чем Владимир Маяковский, он сам и его поэзия? Да просто потому, что его стихи мы очень хорошо понимали. Стихи Маяковского оказались чрезвычайно созвучными Времени, первым годам строительства социализма, то есть тем годам, когда каждый из нас обретал себя. Поэзия Маяковского родилась еще до Октябрьской революции, но наибольшую популярность она получила уже после Октября вместе с поэмами «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Стихами о советском паспорте», «Во весь голос» и другими. Лишь поэт, отдавший целиком свое сердце не только родной земле, но и делу, которому посвящен труд строителей нового общества, мог написать строчки:

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Или почти последние строки Маяковского:

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на́ дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Стоит обратить внимание на эти слова: «...над бандой поэтических рвачей и выжиг». Он знал и чувствовал на себе и э т у категорию литераторов, которые жили и в его пору. Маяковский отлично видел и полной мерой хлебал от них всяческих гадостей, прошел через все, вплоть до обыкновенных измен в дружбе от так называемых его сторонников, рыдавших потом, после самоубийства поэта.

Здесь к месту вспомнить одно примечательное издание, посвященное Маяковскому. В 1940 году, к 10-летию со дня смерти поэта, в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература» вышел сборник воспоминаний и статей «Маяковскому».

Открывался он статьей Николая Тихонова «Великий мастер». Затем шли стихи Анны Ахматовой «Маяковский в 1913 году». В сборнике напечатано было много интересных публикаций, в которых Владимир Маяковский представал и как поэт и как человек. На страницах книги нашли отражение этапы его жизни, его творческой практики — все, что порой так не просто доставалось поэту. Иосиф Гринберг писал в этом сборнике: «...Стоит вспомнить, какой бешеной и непрекращающейся травле подвергался Маяковский в течение многих лет. Нападение велось со всех сторон — здесь действовали и блюстители «высокого искусства», и ханжи-вульгаризаторы, и просто литературные обыватели. За спинами многих из них стояли враги революции, целившие в лоб и в сердце талантливейшего поэта социализма». Да, именно так и было. Критик лаконично и точно определил обстановку, в которой приходилось работать и бороться Маяковскому.

Время от времени у нас появляются «прямые наследники» Маяковского. Были они и при его жизни, существовали и после довольно долго... Появляются и сейчас, автономно присваивая себе права «наследства», без юридических, а если говорить точнее, без всяких на то поэтических прав. Конечно, все это выглядит смешно. Чем дальше мы уходим от апреля 1930 года, тем все больше убеждаемся в том, что Маяковский н е м о г и н е м о ж е т принадлежать лишь какой-то малой части советской поэзии. Маяковский принадлежит всей советской литературе, вне зависимости от формы поэзии, какой пользуется тот или иной поэт... Еще в 1932 году Марина Цветаева, занимающая в русской литературе свое, только ей принадлежащее место, писала в статье «Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак»: «А я скажу, что без Маяковского русская революция бы сильно потеряла, так же как сам Маяковский — без Революции». У нее были все основания утверждать это, ибо сам Маяковский в своей автобиографии написал: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня... не было. Моя революция».

Каждый из нас, молодых писателей, входивших в литературу в годы первой пятилетки, с удовольствием повторял восклицание Маяковского: «Моя революция»!

Да, Маяковский мог написать такие слова. Двенадцатилетним школьником из Кутаиси писал он своей сестре Людмиле, что произошло осенью 1905 года в Тифлисе. Там шла процессия с портретами Николая II, и гимназистам приказали снять шапки. Они отказались. В гимназистов начали стрелять. «Два дня продолжалось это избиение. Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, этих собак там было убито около двухсот,— писал Володя Маяковский.— Кутаис тоже вооружается, по улицам только и слышны звуки «Мар-

голос...

сельезы». Здесь тоже пели «Вы жертвою пали», когда служили панихиду по Трубецком и по тифлисским рабочим».

Как же я мог не любить Маяковского? И не только потому, что слышал его, будучи учеником шестого класса, но и уже потом, когда работал слесарем-фрезеровщиком на строительстве завода «Ростсельмаш» и был председателем только что возникшей на заводе литературной группы. Маяковский для нас был знаменем, и мы, по-юношески не стесняясь, старались быть хоть чем-то похожими на Маяковского, подражали его поэтическому стилю, писали броские стихи-плакаты, разоблачали прогульщиков, современных нам заводских рвачей и выжиг. Я помню один из своих плакатов, висевший на стене цеха уборочных машин: «Если б были все, как Келов, нас давно б Антанта съела». Рабочий Келов был прогульщиком. Он потом пришел в цехком и слезно просил, чтобы плакат над его рабочим местом сняли, клялся, что никогда больше не будет прогуливать.

Маяковский внес неисчислимые богатства в строй нашей новой советской поэзии. И дело не только в укороченной или короткой строке. Не только в этом. Короткие строки были и у Пушкина. Полистайте страницы собраний сочинений Пушкина. Дело в том, что Маяковский прежде всего первым из всех советских поэтов обрел подлинное дыхание советской современности и нашел близкое этой современности образное выражение.

Несколько лет назад в журнале «Огонек» были опубликованы статьи В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» и «Трагедия поэта». Статьи эти вызвали много откликов и показали огромную любовь советских людей к Маяковскому. Мне хочется привести письмо читателя А. А. Козлова из Челябинска:

«Я, абитуриент, прожил 21 год, и только лет пять назад открыл для себя Маяковского. Не понимаю, как мог раньше не понимать и не любить его, не восхищаться этим железным поэтом и гражданином? Но до сих пор я даже не подозревал и не догадывался, сколько было врагов у моего любимейшего поэта, сколько самоотверженной убежденности и воли нужно было ему, преданнейшему народу и революции поэту, чтобы служить своему же народу. И тем сильнее мой гнев и возмущение против тех, кто, может быть, и послужил причиной настоящей гибели Маяковского, а потом лицемерно выискивал удобную версию его смерти. Теперь эта «бездарнейшая погань» не смеет и голоса подать против него: всенародная любовь и признание В. В. Маяковского навсегда заставили замолчать их голоса в советской литературе... Имя Владимира Владимировича Маяковского навсегда останется в памяти нашего народа как величайшего поэта советского времени, как выразителя идей своего времени. Его имя стоит рядом с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Смело беру на себя ответственность говорить от имени десятков миллионов его почитателей, не многие из них напишут вам, но, прочитав это письмо, они горячо выразят свое одобрение. И, глядя на этот многомиллионный фронт, пусть почувствуют свое ничтожество те из его хулителей, которые еще живы».

Сейчас А. А. Козлов значительно старше. Многое встало на свои места. Свидетельством этому является и созданный по решению правительства Государственный музей В. В. Маяковского в Москве, и та огромная научная работа, которая ведется литературоведами-исследователями творчества поэта, и многие публикации в наших литературно-художественных журналах и книгах. Да и просто все то, что составляет естественную потребность советских читателей глубже познать такого сложного и вместе с тем такого ясного поэта, каким является Маяковский.

Да, предельно ясного и простого для миллионов читателей Маяковского.

Пожалуй, не назовешь второго советского поэта, который был бы переведен на такое количество языков во всем мире. Но даже и не в этом дело. Дело в его единстве взглядов и содержания стихов. Он писал: «На буржуев смотрим свысока». Это чувство гордости своей Родиной, чувство социальной справедливости всегда сопутствовало Маяковскому и, в какой бы форме оно ни выражалось, всегда было классовым, всегда было советским. Поэт, мысли которого не достигают океанной широты, вряд ли будет иметь такую популярность у других народов! И тут дело уже не в ломаной строчке, не в гиперболизации образа — дело в сущности, в содержании поэзии.

Поэзия Маяковского стала кровью, воздухом нашего нового, социалистического общества. Мы до сих пор слышим его голос, его трибунную интонацию:

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет!

В. Маяковский у Северного моря. Август 1923 г.

«Я к вам приду...»

1. Семья Маяковских. 1905 год.

«Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия». СОСТАВ СЕМЬИ. «Отец: Владимир Константинович [багдадский лесничий], умер в 1906 году. Мама: Александра Алексеевна. Сестры: а] Люда. б] Оля. Других Маяковских, по-видимому, не имеется».

В. Маяковский «Я сам»

2. В. Маяковский [в центре] в фильме «Не для денег родившийся». 1918 год.

«Вот возьмите для примера Маяковского — он молод, ему всего двадцать лет, он криклив, необуздан, но у него, несомненно, где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи».

М. Горький. 1915 год.

3. В. Маяковский. 1910 год.

«Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы — гнуснейшего вида. Испытанный способ — украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке — галстук. Очевидно — увеличишь галстук, увеличится и фурор».

«Я сам»

4. А. В. Луначарский, председатель Кинокомитета Д. И. Лещенко и Маяковский. 1918 год.

«Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось».

«Я сам»

5. У Репина в «Пенатах», 1915 год. И. Е. Репин стоит в центре. Третий справа — В. В. Маяковский. Четвертый — К. И. Чуковский.

КУОККАЛА. «Семизнакомая система [семипольная]. Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело... Пишу «Облако».

«Я сам»

6. В. Маяковский [стоит в верхнем ряду, третий справа] среди учащихся студии П. И. Келина. Москва. 1910 год.

«Думалось — стихов писать не могу... Взялся за живопись... Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель».

«Я сам»

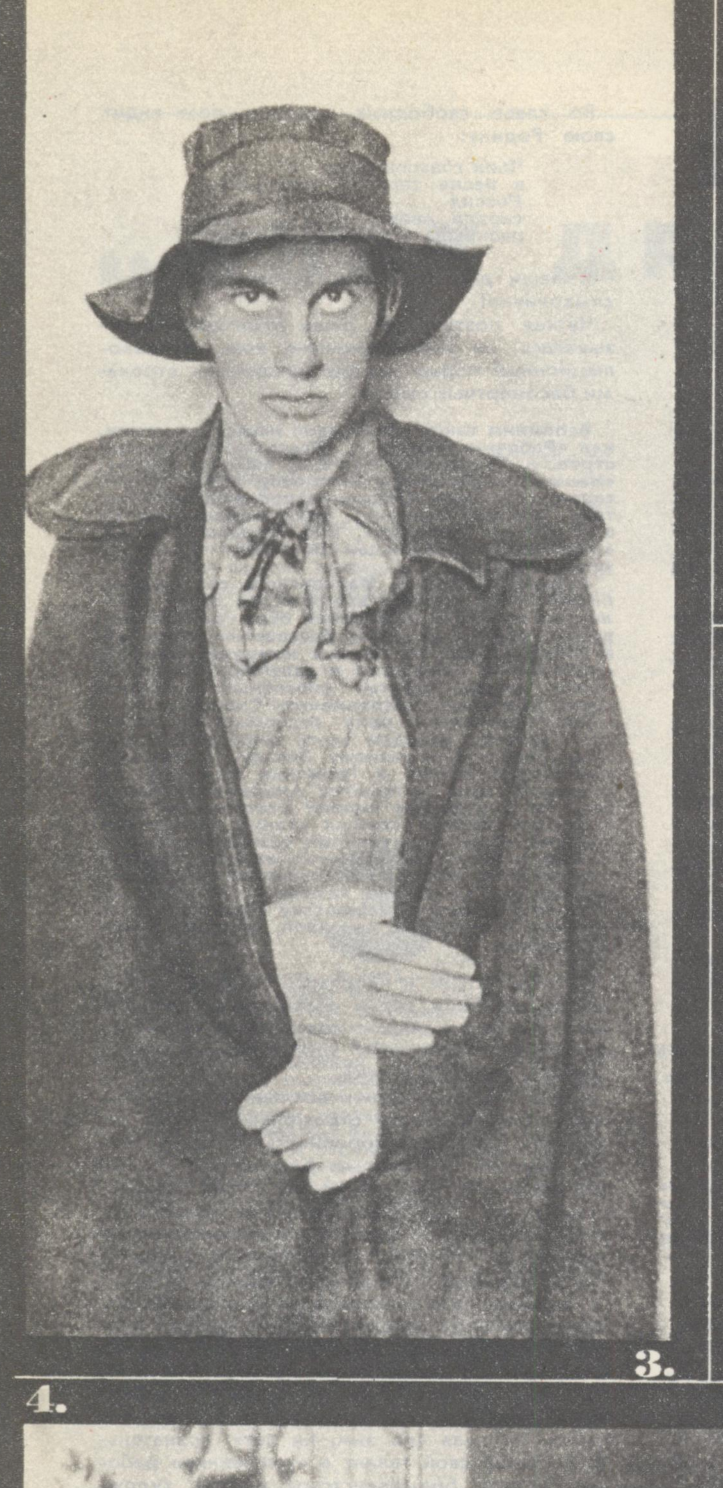
7. Маяковский с художниками РОСТА И. Малютиным и М. Черемных. 1920 год.

«Дни и ночи РОСТА. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей».

«Я сам»

1.

2.



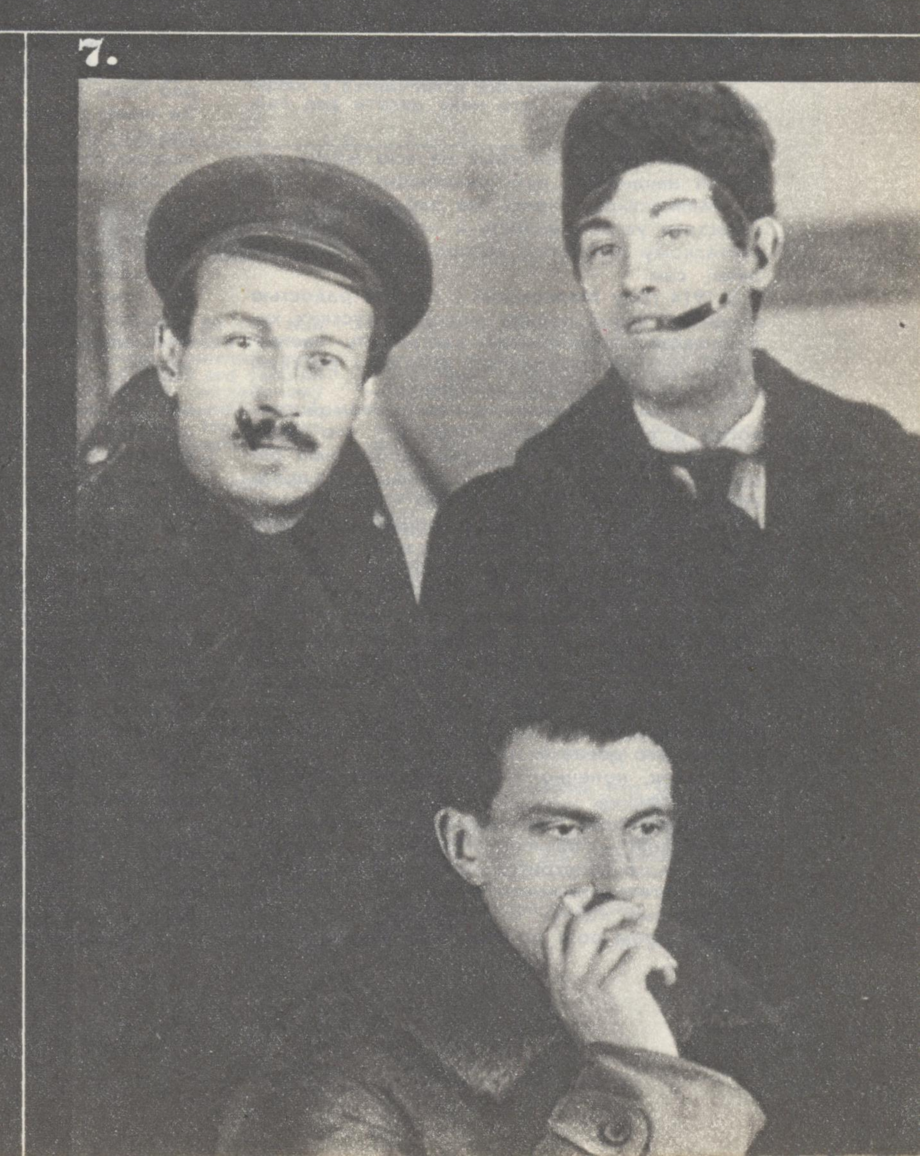
3.

5.

6.

4.

7.



В пламенном гимне

Юрий ПРОКУШЕВ

Первые годы жизни будущего поэта проходили среди гор и лесов. Они обступали грузинское село, где обитала семья Маяковских, со всех сторон. «Над лесами горы,— рассказывал поэт позднее в автобиографии «Я сам».— Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше».

Родовые корни Маяковских были кровно связаны с Россией. На этой земле жили, трудились деды и прадеды поэта. Они ее защищали от врагов. Здесь покоился их прах...

Семья Маяковских была одной из тех русских семей, которые, поселившись на Кавказе еще в XIX веке, много сделали для сближения и взаимопонимания народов России и Кавказа.

Активный, быстро, не по годам, взрослеющий юноша интересуется буквально всем, что его окружает дóма, на улице, в Кутаисской гимназии, куда он поступает учиться: «Иду первым. Весь в пятерках. Читаю Жюля Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром».

Главное же, что все больше занимает в ту пору Маяковского,— это бурные революционные события 1905 года, охватившие всю страну.

«Для меня,— замечает Маяковский в автобиографии «Я сам»,— революция началась так: мой товарищ, повар священника — Исидор, от радости босой вскочил на плиту — убили генерала Алиханова. Усмиритель Грузии. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо».

В 1906 году отец Маяковского умер от заражения крови, уколов палец булавкой. «Благополучие кончилось. После похорон отца у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно,— вспоминает поэт,— мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было».

Теперь особенно видно, чем стала Москва для молодого Маяковского, его дальнейшей судьбы — поэта и человека.

Без преувеличения можно сказать — почти всем.

Здесь юный Маяковский встречается с людьми, которые знали, что надо делать для счастья народа.

С этих новых, памятных на всю жизнь рубежей начинается путь революционной борьбы Маяковского; здесь же зарождается его страстная устремленность к новому, социалистическому искусству, которое он «хочет делать» сам.

В 1914 году Маяковский с особой радостью отмечает, что «...плеяда молодых русских художников... уже начала воскрешать настоящую русскую живопись... древнюю русскую иконопись безвестных художников...»

При этом Маяковский с нескрываемой тревогой и озабоченностью говорит, что ради будущего русского искусства необходимо решительно отказаться от укоренившегося представления, будто бы все, в том числе и в области культуры, решает и определяет лишь один Запад, то бишь заграница. «Русские до того не уважают себя,— с горькой иронией замечает молодой поэт,— что только тогда начинают признавать за человеком место большого художника, когда он совершит путешествие с поклоном в Мекку, за границу...

Пора знать, что для нас «быть Европой» — это не рабское подражание Западу... а напряжение *собственных* сил в той же мере, в какой это делается там!

Я далек, конечно, от мысли, что все не наше — дрянь».

Пройдут годы. Маяковский — известный советский поэт — побывает в Европе и Америке. Еще больше обострится его чувство гордости за свою социалистическую Родину. Вспомним его этапные «Стихи о советском паспорте». Вместе с тем поэт по-прежнему мудро чуток ко всему, что есть хорошего в жизни других народов.

Говоря об этом, Маяковский вновь и вновь подчеркивает первородное значение национальной культуры, особенно родного языка — языка Ленина, языка революции.

«Товарищи юноши, взгляд — на Москву, на русский вострите уши!»

В предреволюционные годы молодой Маяковский с юношеской энергией утверждал: «Изменилась человечья основа России. Родились мощные люди будущего». Сказано это было в 1914 году!

Ради истины заметим! Далеко не все те молодые литераторы, особенно из футуристических спутников Маяковского, с именами которых он в ту пору искренно связывал судьбу будущего социалистического искусства, в дальнейшем оказались на той художественно-гражданской высоте, которая поначалу виделась в них Маяковскому и на которой утверждается он сам, еще в своей дооктябрьской поэзии.

В наши дни особенно очевидна та объективная истина, что мятежный вулкан поэзии Маяковского пробудила прежде всего революционная Россия.

Ощущением неминуемой близости революционных перемен наполнено все дооктябрьское творчество поэта, начиная с трагедии «Владимир Маяковский»: «Сейчас родила старуха-время огромный криворотый мятеж!» Шел 1913 год. Поэту — двадцать лет!

«Встрясывают революции царств тёльца...» Это 1916—1917 годы. Поэма «Человек».

А между ними поэмы «Облако в штанах» и «Война и мир».

Говоря о начале работы в 1914 году над «Облаком...», Маяковский позднее отмечал: «Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной».

Вспомним строки из «Облака...», в которых поэт утверждает, что он видит «идущего через горы времени, которого не видит никто». За ними следуют стихи — ключевые для всей поэмы: «Где глаз людей обрывается куцый, главою голодных орд, в терновом венце революций грядет шестнадцатый год. А я у вас — его предтеча; я — где боль, везде...»

Начиная с «Облака...» поэт настойчиво ставит глобальную проблему революционного обновления этической, эстетической, социальной природы Человека. Он будет к ней возвращаться вновь и вновь, вплоть до последних своих стихов и поэм, до последних дней жизни.

Заметим, что при всей внешне кажущейся обособленности и даже исключительности «Облака в штанах» и других ранних поэм Маяковского, при всей новизне образной плоти стиха все они корнево, глубинно связаны с гуманистическими традициями русской классической литературы, ее народными истоками, трагедийным пафосом и романтической устремленностью, дерзкими поисками и открытиями в области формы, стиля, языка.

Полагаем, что далеко не случайно Илья Репин, слушая Маяковского, читающего «Облако...», восхищаясь темпераментом поэта, сравнивал его с великими русскими художниками — «с Гоголем, с Мусоргским».

Обновление, возрождение души человека — души народа Маяковский связывает с обновлением мира, революционным его переустройством.

Поэт верит и убежден, что его Родина призвана сказать миру свое высокое слово.

Вспомним: одна из ярчайших социальных поэм Маяковского — «Война и мир» завершается картиной-мечтой будущего согласия и дружбы народов.

Во главе свободных народов поэт видит свою Родину:

> Чьих голосов мощь
> в песне звончее сплеталась?!
> Россия
> сердце свое
> раскрыла в пламенном гимне!

В наши дни эти стихи звучат пророчески символично!

Чуткая поэтическая душа Маяковского отзывалась на революционную новь, на революционный порыв народа крылатыми строками бессмертных стихов.

Вспомним такие всенародно известные стихи, как «Рабочим Курска...», «Рассказ... о Кузнецкстрое...», «Товарищу Нетте...», «Мы не верим», «Нашему юношеству», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Послание пролетарским поэтам», «Сергею Есенину», «Юбилейное», «Стихи о советском паспорте», «По городам Союза», «Разговор с товарищем Лениным» и многие, многие другие.

Лирический герой Маяковского стал героем нашей эпохи, нашего времени. Он делал Революцию, защищал в огненной буре гражданской войны власть Советов, беззаветно трудился, в холод и зной, на первых коммунистических субботниках, воздвигал в далеких, необжитых краях заводы-гиганты, способные в «сотню солнц мартенами воспламенить Сибирь».

Поэт протягивал руку бескорыстной братской дружбы народам всего мира и был непримирим к буржуазному Западу, к зарождающемуся в Италии и Германии фашизму; он совершил свое «открытие Америки», утверждая, что в будущем «может статься, что Соединенные Штаты сообща станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела»; он отвергал любовь, которая продается и покупается, отвергал «любовь — служанку», мечтал о «любви — громаде»; он был непримирим к мещанству «без рода и сословия», к живучим, как клоп, вещизму и бездуховности.

В наше острое и напряженное время очень важно полнее и зорче «разглядеть» Маяковского как величайшего поэта новой, социалистической лирики. Он здесь первопроходец мировой поэзии XX века.

«Поэт всегда должник вселенной», а жизнь всегда богаче своего отражения. Отсюда постоянная неудовлетворенность таланта тем, что создано, написано, и растущее с годами ощущение, что мог и должен был сделать больше во имя настоящего и грядущего. Вспомним, с какой тревогой и озабоченностью размышляет об этом Маяковский в знаменитом «Разговоре с фининспектором о поэзии»: «Я в долгу перед Бродвейской лампионией, перед вами, багдадские небеса, перед Красной Армией, перед вишнями Японии — перед всем, про что не успел написать».

И это утверждал поэт, который самоотверженно работал на революцию, Советскую власть, не зная «ни зим, ни лет», сознательно поставив свой талант в «услужение» рабочему классу, большевистской партии; художник, создавший бессмертный поэтический памятник вождю революции — поэму «Владимир Ильич Ленин».

В стихах и поэмах Маяковского обретают свою неповторимейшую, прекрасную реальность дерзкие дооктябрьские мечты поэта о Человеке, который открыто бросает вызов старому миру и отдает народу, как знамя, свое сердце.

Поэт создает живой, полнокровный, многогранно емкий, исторически точный образ Ленина — вождя и человека.

Маяковский стремится раскрыть и показать как можно полнее и выразительнее главное в Ленине — его величайший революционный гуманизм, рождающий веру в силу народных масс, историческую миссию рабочего класса.

Так возникает в поэзии Маяковского бессмертный образ народного вождя, **«самого земного изо всех прошедших по земле людей» и «самого человечного человека».**

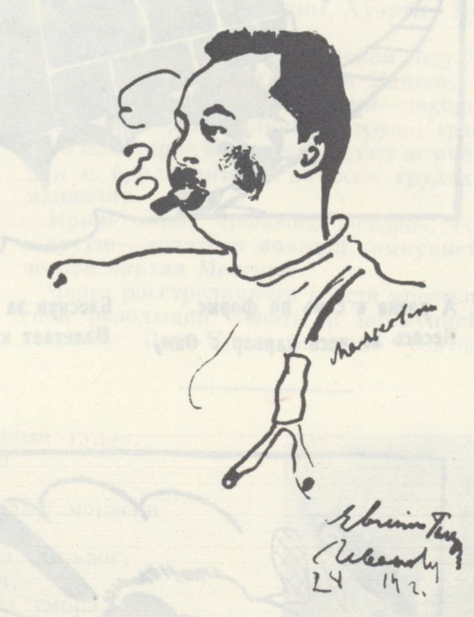
Это было великое новаторское художественное открытие поэта.

Маяковский, его поэзия — это сама жизнь! Жизнь в ее вечном, неустанном борении добра и зла, света и тьмы, радости и печали, рождения и смерти.

Жизнь в ее постоянном обновлении, стремлении к совершенствованию, в тревожных всполохах народных восстаний и революций, перестраивающих мир заново. По этому миру, охваченному революционной октябрьской бурей свободы, стремительно и дерзко шагает полпред стиха «Ильичевой республики Советов» — Владимир Маяковский.

...ЗНАК ДРУЖБЫ

Евгений Платонович Иванов — журналист, писатель-этнограф, знаток литературного и народного быта. В его архиве сохранились многие материалы по проблемам русской культуры. Недавно вышла книга Е. П. Иванова «Меткое московское слово», вызвавшая широкий читательский интерес. Воспоминания о Маяковском написаны Е. П. Ивановым в 1930-х годах. Публикацию отрывков из них подготовила З. А. Милютина.



Е. Иванов. Рис. В. Маяковского. Публикуется впервые.

Знакомство наше произошло случайно. В 1913—1914 годах я издавал и редактировал журнал «Театр в карикатурах». Впервые мы встретились в помещении маленького, тесного «Трехгорного» ресторана, где собирались ежедневно литераторы, журналисты, художники, артисты... Однажды ко мне подошел высокий, хорошо сложенный, смугловатый, довольно красивый, с выразительными темными глазами молодой человек, наряженный в желтую блузу, пестрый галстук, и звучным голосом отрекомендовался: «Владимир Маяковский! А вы кто?» Я назвал себя и тут же получил в ответ визитную карточку с именем оригинального человека.

— Это вы футуристам страницу отводите?— спросил Маяковский.— Читал... одобряю, хотя могу и спорить по поводу содержания некоторых напечатанных вами стихов... Курить есть у вас? Дайте мне вашу сигару, кажется, они у вас ничего себе, приличные... Где живете? Я к вам с приятелем, талантливым поэтом, приду!

Действительно, мой новый знакомый на другой же день аккуратно явился ко мне.

Так началось мое многолетнее знакомство с Маяковским. Он стал посещать мой дом, где можно было встретить писателей А. Куприна, Л. Андреева, А. Пазухина, В. Гиляровского, сына Льва Николаевича Толстого — Илью Львовича, артистов Дурова, Южина-Сумбатова, писателя-романтика Александра Грина и многих других представителей творческой интеллигенции.

* * *

...Когда Маяковский хотел доставить вам приятное, то делал на память какой-нибудь рисунок. И этой черте его характера я обязан тем, что храню в своем собрании четыре сделанных с меня портретных наброска. Однажды Давид Бурлюк договорился нарисовать на холсте маслом мой большой портрет. Во время сеанса пришел В. Маяковский. Немедленно взяв холст, кисти и краски, здесь же нарисовал с меня такой же портрет, но в духе гротеска. Точно, ярко, с присущим ему юмором и стремительностью исполнил свой живописный экспромт Маяковский.

Когда в 1914 году издательство «Гилея» выпустило сборник под названием «Молоко кобылиц», где были напечатаны стихи Велимира Хлебникова, Василия Каменского, Бенедикта Лившица, Игоря Северянина, В. Маяковского, Владимир Владимирович принес мне эту книжечку со своим автографом: «Дорогому Евгению Платоновичу Иванову. Маяковский». Затем вручил и вторую, с трагедией «Владимир Маяковский», на которой написал: «Милому Евгению Платоновичу от Влад. Маяковского в знак дружбы».

Как-то сочинил он экспромт о себе:

Не таковский Маяковский,
Чтоб играть в Девятый вал —
Мы плевать на тех хотели,
Кто нас пьяницей назвал!

Оригинал записи сохранился в моем альбоме.

В дни русско-германской войны был еще поднесен мне печатный лубок с посвящением. Под рисунком этого лубка помещены шуточные стихи поэта:

Немец рыжий и шершавый
Разлетался над Варшавой,
Да казак Данила Дикий
Продырявил его пикой.
А ему жена Полина —
Шьет штаны из Цепеллина.

Говоря о лубках, следует вспомнить, что В. В. Маяковский иногда с остроумными пояснениями публично демонстрировал их, причем один раз произошло забавное недоразумение.

В лазарете для раненых воинов я устраивал летучие концерты для солдат. Иногда приезжал и Маяковский. На одном из таких концертов на Поварской улице выступали японская певица Шико-Ито, известный клоун Бом и Маяковский.

Только что Бом окончил свои репризы и в шутовском костюме, с напудренным лицом ушел из палаты, как поторопился на выход Маяковский. К обычному своему костюму, который в эту эпоху уже переродился из желтой блузы в обыкновенный пиджак, поэт нацепил клетчатый галстук с длинными концами. Когда в таком виде он появился перед солдатской аудиторией, раненые, видимо, решили, что последует продолжение номера Бома. Раздались сразу смех и аплодисменты. Маяковский всерьез обиделся.

— Что вы думаете,— загремел он,— шут я вам, что ли? Я поэт и художник. Хочу вам кое-что серьезное и очень талантливое прочесть, а кстати, и показать!

Все насторожились, Маяковский развернул несколько своих рисунков и военных лубков и начал читать составленные под ними подписи, приправляя их экспромтами.

Через пять минут все восторженно, как один человек, приветствовали его... Быстро умел Владимир Владимирович сблизиться с простой солдатской аудиторией!

ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ

В последние десятилетия в Индии растет интерес к творчеству Маяковского, в особенности его раннего периода.

Специфичными для сложного, отмеченного противоречивостью отношения индийских творческих кругов к Маяковскому являются высказывания о нем профессора Намвара Сингха, одного из виднейших представителей демократической критики, превосходно знающего русскую и советскую поэзию, который в беседе со мной, в частности, заметил:

— Мне не кажется, что есть какая-нибудь резкая разница между дореволюционным и послереволюционным Маяковским, в особенности если говорить о его поэтической форме. Что же до его отношения к жизни, то до революции он был футуристом, бунтарем, а в период революции и после он революционер. Бунтарь — индивидуалист и субъективист. Революционер не индивидуалист. До революции Маяковский говорит о разрушении существующего тогда общества, после революции появляются его произведения, в которых он пишет о созидательной силе революции.

В начале 40-х годов индийским читателям стала доступна книга переводов стихов Маяковского на английский язык, выполненных Гербертом Маршаллом. Она сильно повлияла на прогрессивных индийских поэтов того поколения: Гаджанана Муктибода, Гириджа Кумара Матхура, Шамшейра Бахадура Сингха. Они переводили Маяковского, испытывая на себе воздействие его революционного духа — стремления изменить общество и его смелых экспериментов в области формы. Потом Маяковский был забыт на некоторое время, а в 60-е годы, когда появились новые переводы из Маяковского, возобновился интерес к нему, поэта революции все более знают и любят в Индии...

Характерным представителем отряда современных индийских русистов, прошедших советскую научную школу, является д-р Варьям Сингх. Этот историк литературы, критик и переводчик (у него в активе первые в Индии отдельные книги переводов А. Блока и К. Хетагурова на хинди) подготовил к изданию на хинди том лирики и поэм доонтябрьского Маяковского. В. Сингх говорит:

— Неисчерпаемое воздействие Маяковского на представителей индийской прогрессивной поэзии способствовало преодолению влияния декадентско-модернистской поэзии Запада, прежде всего английской. В 70-е годы за переводы из этого великого поэта взялись лучшие поэты хинди. До сих пор произведения Маяковского переводились в основном с английского. Так как большая часть его творчества еще недоступна английскому языку, она осталась таковой и для индийского читателя. Это прежде всего относится к дореволюционной поэзии Маяковского.

Ныне, благодаря сотрудничеству с Советским Союзом уже есть люди, неплохо знающие русский язык и литературу в оригинале. К таким людям принадлежу и я. Мне посчастливилось получить высшее образование в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Опыт дореволюционного Маяковского имеет большую ценность, дает идейно-эстетическую ясность в осознании сложностей литературной борьбы. Задача перевода и осмысления ранней поэзии Маяковского стала особенно актуальной в настоящее время, когда у нас ранняя его поэзия стала истолковываться по методам американской советологии.

На мой взгляд, основой идейно-художественной структуры дореволюционной поэзии Маяковского служит нерушимая вера молодого поэта в то, что человек обязательно освободится от социально-политического строя, основанного на принципах эксплуатации и неравенства, что человек способен построить жизнь, которая будет отвечать его истинно человеческой природе. Маяковский смотрит на социальные отношения с классовой точки зрения. Это помогает ему связать личные переживания с настроением широких масс.

Теперь, когда мировая общественность, в том числе и индийская, охвачена настроениями, направленными против тех, кто хочет навязать человечеству войну, антимилитаристские произведения молодого Маяковского приобретают особую актуальность в деле борьбы за мир. Не будет неуместным сказать, что незабываемым останется для меня, как реагировали простые, малограмотные рабочие и крестьяне, принявшие участие в демонстрации против войны в Дели 4 октября 1982 года, когда я читал им стихотворение «К ответу» и отрывки из поэмы «Война и мир».

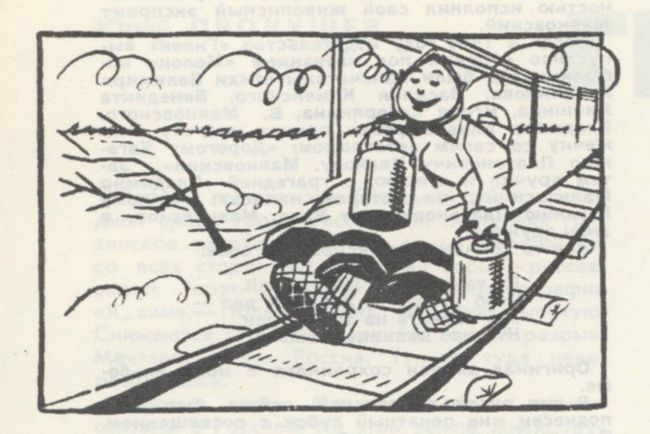
Хочется добавить, что В. Сингх завершил рукопись книги о молодом Маяковском, в которой проводит мысль о том, что с бегом времени поэт все прочнее сознавал свою нужность России и человечеству — процессу созидания новой социальной реальности, новых характеров.

В. НЕФЕДОВ

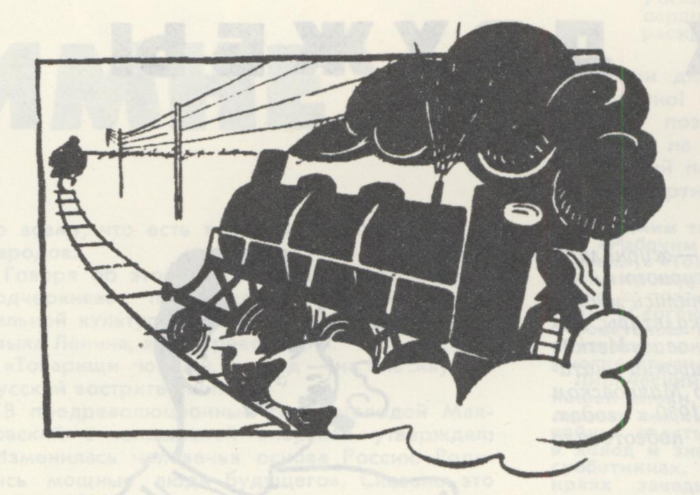
МАЯКОВСКИЙ В «ОГОНЬКЕ»

СХЕМА СМЕХА.

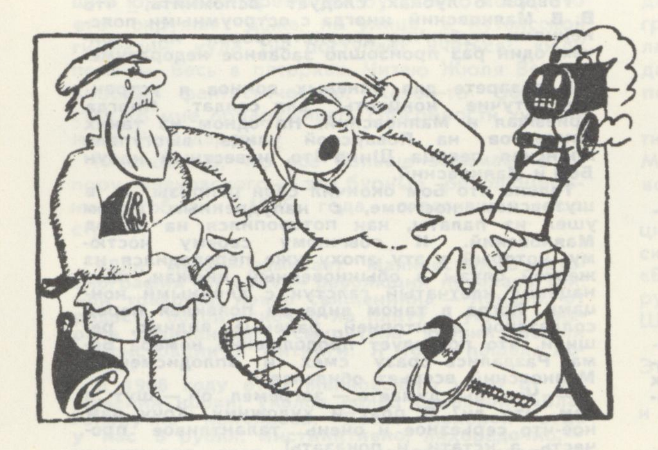
Стихи и рисунки В. МАЯКОВСКОГО.



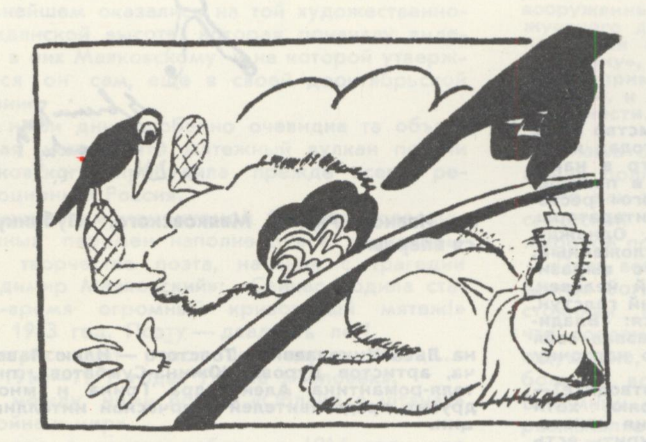
1. Выл ветер и не знал о ком,
Вселяя в сердце дрожь нам.
Путем шла баба с молоком
Шла железнодорожным.



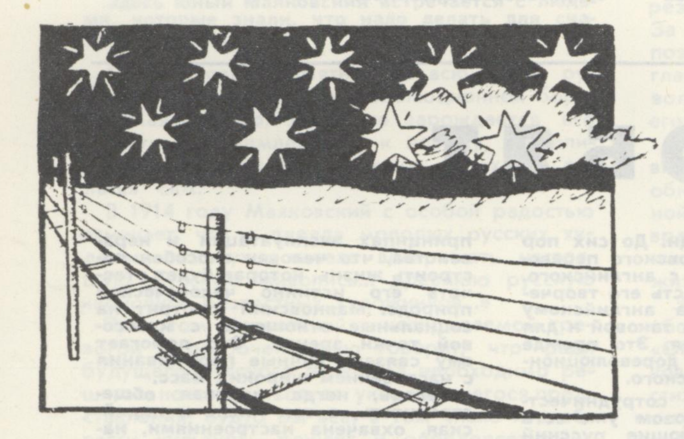
2. А ровно в семь по форме.
Несясь во весь карьер с Оки,
Блеснув за семафорами,
Взлетает курьерский.



3. Была бы баба ранена.
Зря выло сто свистков ревмя,
Да шел мужик с бараниной
И дал понять ей во время.



4. Ушла на—право баба
Ушел на—лево поезд.
Ка б не мужик, тогда бы —
Разрезало по пояс



5. Уже ушел за звезды дым
Мужик и баба скрылись.
Мы дань герою воздадим,
Над буднями воскрылясь.

6 Хоть из народной гущи
А спас средь бела дня—
Да здраствует торгующий
Бараниной средняя!

7. Сияй же солнце в темноте
Сияйте звезды ночью!
Да здравствуют и те и те
И все иные прочие.

В «Огоньке» № 5 за 1923 год были опубликованы эти рисунки и стихи поэта. Факсимильное воспроизведение.

От самого рождения советского «Огонька» и вплоть до 1930 года Владимир Маяковский — один из активнейших авторов журнала. Уже на страницах первого номера, в апреле 1923 года, появилось стихотворение Маяковского «Мы не верим!». С тех пор произведения всех жанров (в том числе рисунки и рекламные плакаты), в которых работал великий поэт, увидели свет в «Огоньке», причем часто это были первые публикации только что созданных произведений.

В начале 1924 года, о котором в очерке «Я сам» сказано: «Много езжу за границу»,— поэт поместил в «Огоньке» стихотворение «Киноповетрие (О развлечениях Европы)». В нем Маяковский рассказывает о демонстрации чаплинских фильмов в Германии.

Одним из достижений дореволюционной поэзии В. В. Маяковского стала поэма «Облако в штанах». А 1 апреля 1925 года он заключает договор на издание поэмы «Облако в штанах» в «Библиотеке «Огонек». Вот слова поэта из автобиографии, относящиеся к этому году: «Еду вокруг земли... «Вокруг» не вышло. Во-первых, обокрали в Париже, во-вторых, после полугода езды пулей бросился в СССР». Впечатления Маяковского от заграничных путешествий отразились в стихотворении «Мексика», напечатанном в «Огоньке» 3 января 1926 года (впервые) с предисловием самого Маяковского и с шестью фотографиями, привезенными поэтом из Мексики.

28 марта в «Огоньке» публикуется фотография, привезенная Маяковским из Америки, с его пояснительным текстом: «Свобода собраний в Северо-Американских Соединенных Штатах. Сыщики обыскивают всех, входящих в зал Вест-Сайд Аудиториум в Чикаго на собрание протеста против преследования политических заключенных в Соединенных Штатах. Собрание было созвано Чикагским отделом Интернационального комитета защиты рабочих».

Известно, как активно откликался Маяковский на все современные ему события, происходящие в стране. Вот 15 июля 1928 года в Москве торжественно был открыт Парк культуры и отдыха,— и в 40-м номере «Огонька» мы видим первую публикацию стихотворения «Что такое парк?». Перешли советские предприятия и учреждения на непрерывное производство, когда вместо семидневной недели была установлена пятидневная с выходными, приходящимися на разные дни недели,— и Маяковский отозвался стихами «Голосуем за непрерывку», впервые опубликованными в «Огоньке» 22 сентября 1929 года. В 1928—1929 годах Маяковский публикует в журнале свою заметку о пьесе «Клоп», острое гражданское стихотворение «Который из них?», стихотворение «Монте-Карло», в котором называет игроков-капиталистов «поганенькими монтекарликами», отрывок из 6-го действия пьесы «Баня» и заметку «Что такое «Баня»? Кого она моет?», стихотворения «Заграничная штучка» и «Мы».

10 февраля 1930 года на страницах «Огонька» появилась одна из последних прижизненных публикаций поэта — стихотворение «Марш ударных бригад»:

Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошным.

Работа Маяковского в «Огоньке» — яркое свидетельство активной жизненной позиции поэта, замечательный пример действенности его публицистической, гражданской поэзии, пример мгновенного отклика художника-бойца на события эпохи.

Георгий БЛЮМИН

МЕКСИКА

Владимир Маяковский.

Вера-Круц—порт Мексики.

Сюда подплывали открыватели Америки, отсюда в 1519 году напали на Мексику испанские завоеватели—войска генерала Кортеса. От этих, маисовых полей к столице подымаются восстания революционных крестьян—в эту гавань вплыл и я.

Первое бросившееся в глаза—Красное знамя с серпом и молотом на одном из домов пристани,—нет, это не отделение советского консульства. Этот флаг вывешивают на доме члены «союза неплательщиков за квартиру»—организация грозы домовладельцев. В'ехали, вывесили флаги и даже не интересуются вершками жилплощади.

Как непохожи носильщики-индейцы на героев Купера, легендарных (только на максиканских плакатах оставшихся) краснокожих, горящих перьями древней птицы—Кетцаль, птицы-огонь.

«Гочупин» — добродушное презрительное название (время стерло злобу) первых завоевателей мексики—испанцев.

«Гринго» кличка американцам, высшее ругательство в стране.

Кактусовый «пульке» полу-водка, полупиво—это все что осталось от древней, и ацтекской Мексики.

Памятник Гватемоку, вождю ацтеков, отстаивавшему город от испанцев, да черная память о предавшем, последнем индейском царе—Моктецуме.

Потом чехарда правительств. За 30 лет—37 президентов Гваделупы, Хуэрты, Хуарецы, Диецы.

И сейчас стоит в тропическом саду Чапультапеке дворец генерала Кайеса.

Быть министром Мексики—доходная профессия—даже министра труда, «рабочего министра». Маронеса рисуют не иначе, как с бриллиантами во всех грудях и манжетах.

Кроме таких «рабочих вождей», есть и другие—водители молодой коммунистической партии Мексики.

Через расстрелянного вождя крестьянской революции Зопаты к коммунисту-депутату Вера-Круц (недавно убитому президентскими бандами) Марено—один путь, одна линия борцов за свободу и жизнь мексиканских рабочих и крестьян.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали по «независящим обстоятельствам» на американской границе):

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваши марши, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше 33 (калибр «Кольта»).

Морено убили.

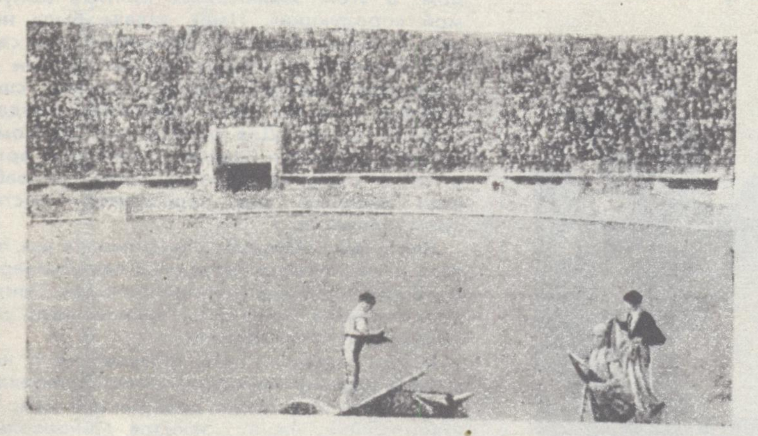
Но товарищи, стоящие рядом,—Гальван, делегат Крестинтерна, Карио, секретарь партии, Монсон и др. твердо верят и знают, что над мексиканским арбузом («зеленое, белое и красное» знамя Мексики введено, по преданию, отрядом, отдыхавшим после сражения, прельщенным цветами поедаемого ими арбуза), взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки.

Вл. Маяковский.

О, как эта жизнь читалась
взасос!
Идешь—
наступаешь на ноги.
В руках
превращается

Красный флаг, вывешиваемый в Мексике на доме неплательщика за квартиру.

ранец в лассо,
а клячи пролеток—
мустанги.
Взаправду
игрушечный
рос магазин,
ревел
пароходный гудок.
Сейчас же
сбегу
в страну мокасин,
лишь сбондю
рубль и бульдог.
А сегодня,—
это не умора,
сколько миль
воды
винтом нарыто!—
и встает
живьем
страна Фенимора
Купера—
и Майн Рида.
Рев сирен.
кончается вода.
Мы прикручены
к земле
о локоть локоть.
И берет
набитый «Лефом»
чемодан
«Монтингомо»
«Ястребиный Коготь».
Глаз торопится слезой налиться...
— Как чему я рад?!—
«Ястребиный Коготь»
— Я ж
Твой «Бледнолицый
Брат».
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами
отравленными



Бой быков в Мексико-Сити.

Мексиканский коммунист тов. Морено с Вл. Маяковским.

в Кутаисе
били
мы
по кораблям Колумба.
Цедит
злобно
«Коготь Ястребиный»
медленно,
как треснувшая крынка:
— нету краснокожих—
— истребили
«Гачупины» с «Гринго».
Ну, а тех из нас,
которых
пульки
пощадили,
просвистевши мимо,—
кабаками
кактусовый «пульке»
добивает
по 12-ти сантимов.
Заменила
чемоданов куча
стрелы,
от которых
никуда не деться...—
Огрызнулся,—
и пошел,
сомбреро нахлобучив
вместо радуги
из перьев птицы Кетцаль.

Года и столетья,
, как не косите
склоненные голосы дней —
Корявые камни
Мехико-сити
Прошедшее вышепчут мне:—
Это
было
так давно,
как будто не было.
Бабушки столетних попугаев
не запомнят.
Здесь
из зыби озера
вставал Пуэбло,—
Дом-Коммуна
в десять тысяч комнат.
А золото
между озерных зыбей
лежит,
аж и рыть не надо вам!
Чего еще?
живи,
бронзовей,
вторая сестра Элладова!

Но очень надо
за морем
белым,
чего индейцу не надо.

Тов. Карио, мексиканский коммунист.

Одна из двух полос «Огонька» № 1 1926 года, с публикацией стихотворения «Мексика» и фотографиями, привезенными Маяковским из заграничного путешествия. Факсимильное воспроизведение.

нами всегда

КУКРЫНИКСЫ

Девяносто лет!.. Это почти три его жизни. Нет, это одна огромная жизнь. Ведь Маяковский всегда был и до сих пор остается с нами.

Он встречался с новыми поколениями нашей страны, помогал ей строить пятилетки, участвовал в войне с фашизмом, радовался вместе с нами победе над ним. Его весомое, зримое слово входило в каждый дом. Все эти годы он как живой с живыми говорил.

И будет говорить.

* * *

Пятьдесят пять лет назад, в 1928 году, произошла наша творческая встреча с Владимиром Владимировичем Маяковским.

Любимейший поэт неожиданно предложил нам троим, тогда еще молодым студентам Вхутемаса, участвовать в художественном оформлении его новой комедии «Клоп», готовившейся в театре режиссером В. Э. Мейерхольдом.

Можно было понять смешанное чувство нашей огромной радости и такого же волнения. Нам, еще не ставшим художниками-профессионалами, к тому же совсем не знающим специфики работы в театре,— и вдруг такое предложение!..

Правда, композитором спектакля был приглашен еще более молодой, чем мы, ленинградец Дмитрий Шостакович. Зато художник-оформитель второй части спектакля — друг поэта, опытный мастер Александр Родченко.

При попытке объяснить Маяковскому наше положение, неопытность — ответ:

— Вот мне такие и нужны.

* * *

Нам предстояло оформить четыре первых картины комедии, это «Сцену около универмага», «Общежитие», «Свадьбу в парикмахерской» и «Пожар». Костюмы и грим всем участникам этих сцен во главе с исполнителем главной роли Игорем Ильинским должны были решать тоже мы.

Участвовать в постановке пьесы любимого поэта, в самом современном в то время театре — такое могло присниться только во сне.

В те годы студенты Вхутемаса с огромной любовью относились к Маяковскому.

На все его вечера бесплатно прорывалась большая группа вхутемасовцев. Его стихи читались вслух в общежитии, в коридорах института и даже с попыткой подражать голосу поэта.

Еще задолго до знакомства с Маяковским мы, жившие в этом общежитии, нередко вечером слышали громкий, восторженный голос соседа по койке:

— Ребята! А я сегодня встретил Маяковского!.. Вышел из Вхутемаса на Кузнецкий мост и вдруг, прямо навстречу мне,— он! Идет высокий, в сером костюме, с тростью в руке по мостовой рядом с тротуаром. Я так обрадовался, остановился, повернулся и стал смотреть ему вслед... Здорово!

— Счастливый! А вот мне никак не удается увидеть его,— говорит другой.— Ну ничего, я как-нибудь прорвусь в Политехнический музей на его вечер...

А ведь современниками Маяковского в те годы были многие популярные, талантливые поэты и писатели. Но Маяковский пользовался особой любовью.

Талантливейший поэт, автор смелых, умных, острых по форме поэм, лирических и сатирических произведений на самые волнующие темы. То плакатно-«весомо-грубо-зримый», то мягко-лиричный, «безукоризненно нежный», он вдруг превращался в громового, беспощадного сатирика — бойца этого любимейшего им рода оружия. И всегда верный патриот, искренне гордившийся своей Советской страной.

Ярый пропагандист и защитник всех наших достижений и побед. Смелый борец против врагов, бичевавший увиденные своими глазами уродства в странах капитализма. Помогавший острым словом борьбе с вредным «хламом» в нашей жизни. Всем этим он волновал людей. За это и любовь к нему была огромной, особой.

Мы втроем, бывая на вечерах Маяковского или на писательских совещаниях, если на них появлялся он, рисовали только его. Рисовать его всегда было трудно. При Маяковском все присутствовавшие становились собранней, серьезней.

А каким блестящим, остроумным и убедительным полемистом бывал Маяковский на диспутах и своих вечерах! Никто не мог соперничать с ним в остроте ума, находчивости, убежденности и полной подчас неожиданности высказываний или ответов на записки. Бурю оваций вызывали они у многочисленных аудиторий, всегда переполненных до отказа на его выступлениях. Особо запомнившиеся меткие «маяковские» реплики-слова уносились с собой слушателями и получали широкую известность.

Записка: «Мы с товарищем не понимаем ваших стихов». Ответ: «Надо иметь умных товарищей». Записка, написанная не рабочим: «Маяковский! Не воображайте, что сложность Ваших стихов доступна простому рабочему». Ответ: «А разве будет понятно рабочему, если такой, как вы, скажет: — Я не могу не понять, вместо простых слов: — Я понимаю»? Ценя настоящее остроумие, поэт терпеть не мог дешевых «хохм», неумных, пошлых острот и анекдотов. Порядком доставалось всегда от него тем, кто этим занимался.

Маяковский был очень строг ко всему, что создавалось им. Требовательность его распространялась и на самого себя, на свое поведение, на обращение с людьми.

Где бы он ни появлялся — в редакции журнала, на собрании, при встрече на улице, Маяковский всегда выглядел спокойным, даже строгим, но деликатным и внимательным. Лично мы, например, не видели его громко хохочущим, суетливым, болтливым или на кого-то кричащим. Но под суровостью поэта оказывалась и доброта, улыбчивость, а порой даже стеснительность. Мы трое, не так близко знавшие Маяковского-человека, и то замечали это.

Маяковский читает пьесу «Клоп» в театре имени Мейерхольда.

Помним, как умно, тактично и сдержанно вел себя Владимир Владимирович на репетициях пьесы «Клоп» у Мейерхольда.

Экспансивный и стремительный Мейерхольд выглядел полным контрастом поэту. Он поминутно останавливал репетиции, крича громко:

— Стоп! Стоп!..— Или звонил в колокольчик, пристроенный у репетиционного столика в середине зрительного зала. Бегом бежал на сцену и блестяще показывал актерам, как надо играть. Пиджак его висел на стуле, а серый джемпер к концу репетиции становился совсем мокрым.

Почти все время Маяковский спокойно наблюдал за репетицией, стоя в зале или сидя рядом с Мейерхольдом. Очень редко он обращался к режиссеру:

— Всеволод Эмильевич, разреши мне попробовать показать, как я думаю.

— Покажи, Володя! — отвечал Мейерхольд. И Маяковский шел на сцену, показывал актеру, как он считал нужным играть. В ответ из зала слышалось:

— Хорошо!

А Маяковский возвращался в зрительный зал, иногда чуть смущенно улыбаясь.

Помнится, как после премьеры «Клопа», когда актеры вышли раскланиваться перед зрителями и на бурные аплодисменты появился постановщик спектакля Мейерхольд, из зала послышались громкие голоса:

— Автора! Маяковского!

Из-за кулис показался Маяковский всего на несколько секунд. Чуть улыбнулся и тут же скрылся за кулисой.

Один из зрителей, стоявший около нас, удивленно заметил:

— Не думал, что Маяковский может смущаться.

В самом начале нашей работы в театре Мейерхольд предложил нам свой особый план не только оформления спектакля, но и решений персонажей. И автор пьесы и режиссер считали, что во всех четырех первых картинах — «нашего времени» — и обстановку и костюмы надо показать на сцене как можно правдивей, ближе к тогдашней жизни. А именно: нашей задачей было ходить по магазинам и покупать в них не только плохо сшитые костюмы, платья, но и предметы обстановки — безвкусные, громоздкие вазы, лампы с аляповато раскрашенными «юбками-абажурами», пошлые скульптуры. Нужно было, чтобы зритель узнавал на сцене вещи, какими обставлен его дом. В этом заключалась критика выпускаемой «продукции». Наша задача была нелегкой. Кое-что пришлось дорабатывать самим.

С артистом И. Ильинским мы обошли ряд магазинов одежды, прося «похуже» сшитый костюм, вызывая этим удивление продавцов и даже обиду. Для работы над гримом мы сначала рисовали шаржи с каждого артиста, а потом соответственно его роли разрабатывали внешний вид персонажей — костюмы, грим, прически.

Для сцены «Свадьба Присыпкина» мы побывали в нескольких захудалых парикмахерских, особенно в районе Трубной площади. Приходилось стричься, бриться и... зарисовывать обстановку, цвет стен, зеркала.

А как относился сам Маяковский к нашей работе художников-оформителей спектакля?

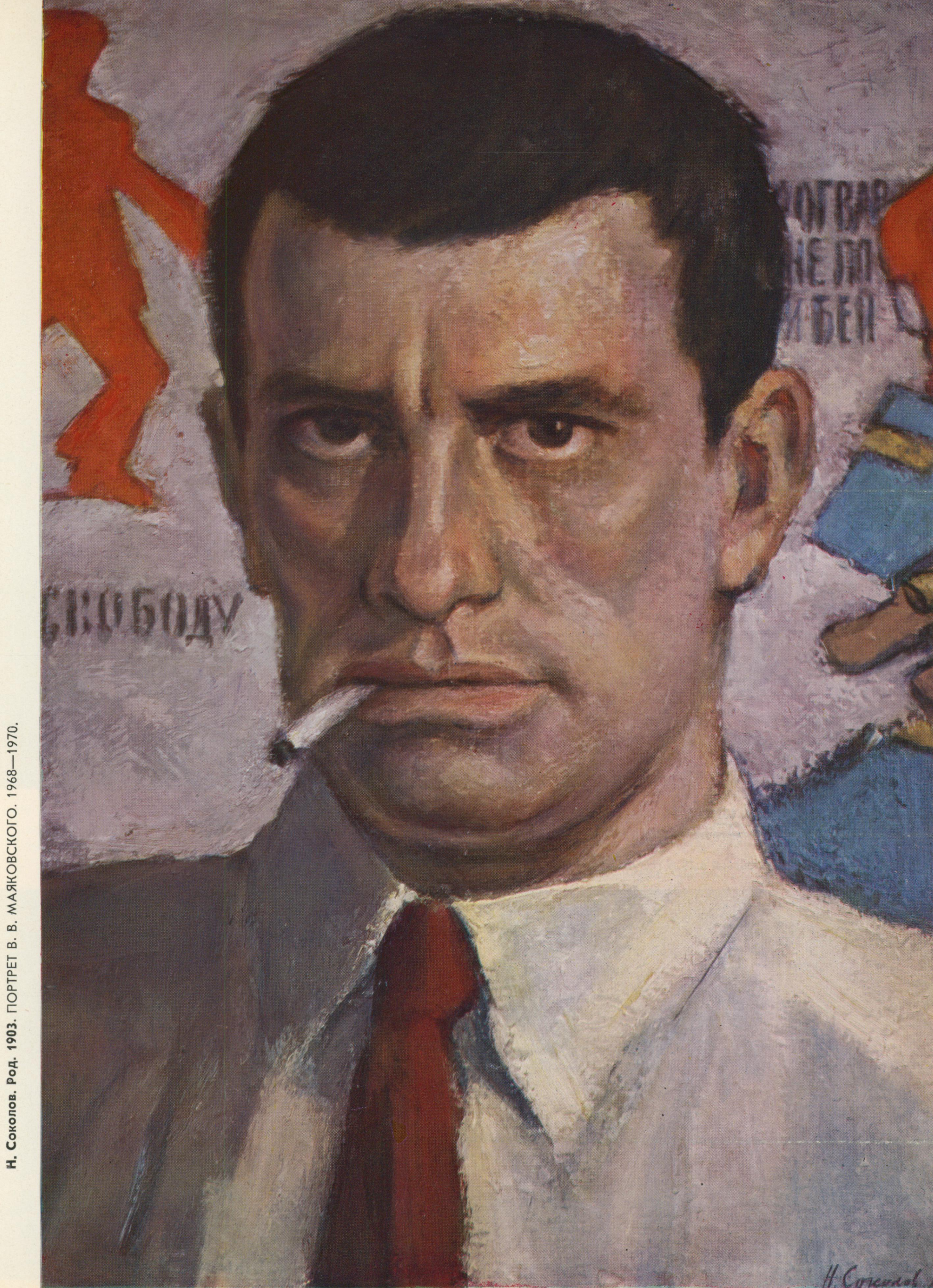
Он почти полностью доверял как нам, так и утверждению наших эскизов Мейерхольдом. Никаких советов, как надо работать, он не давал. Мы делали, как хотели.

А. Дейнека. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В РОСТА.

А. Лентулов. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ТРАГЕДИИ «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ».

АФИША ВЫСТУПЛЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО.

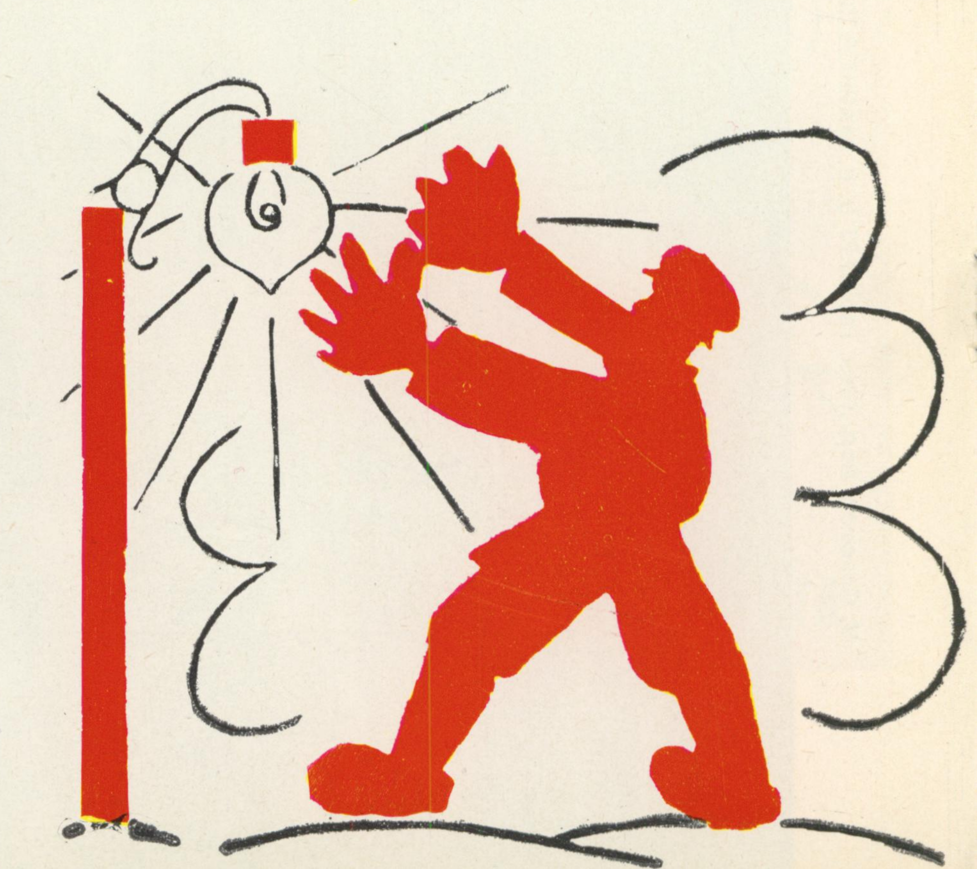
Рисунок В. Маяковского.



Н. Соколов. Род. 1903. ПОРТРЕТ В. В. МАЯКОВСКОГО. 1968—1970.

А. Дейнека. 1899—1969. ЛЕВЫЙ МАРШ. 1941.

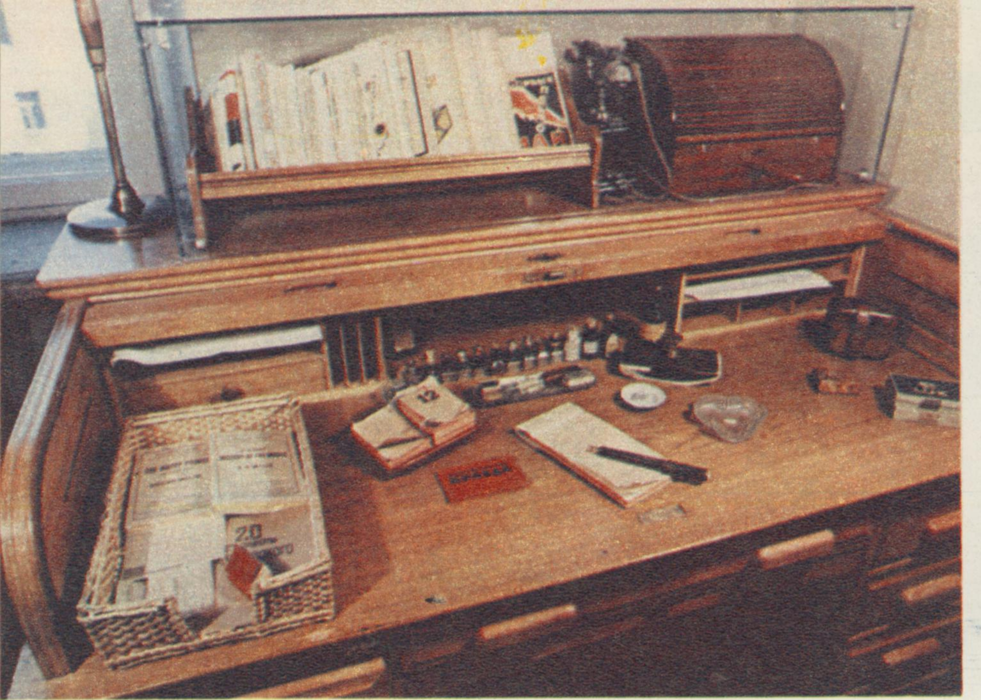
В. В. Маяковский в 1929 году.

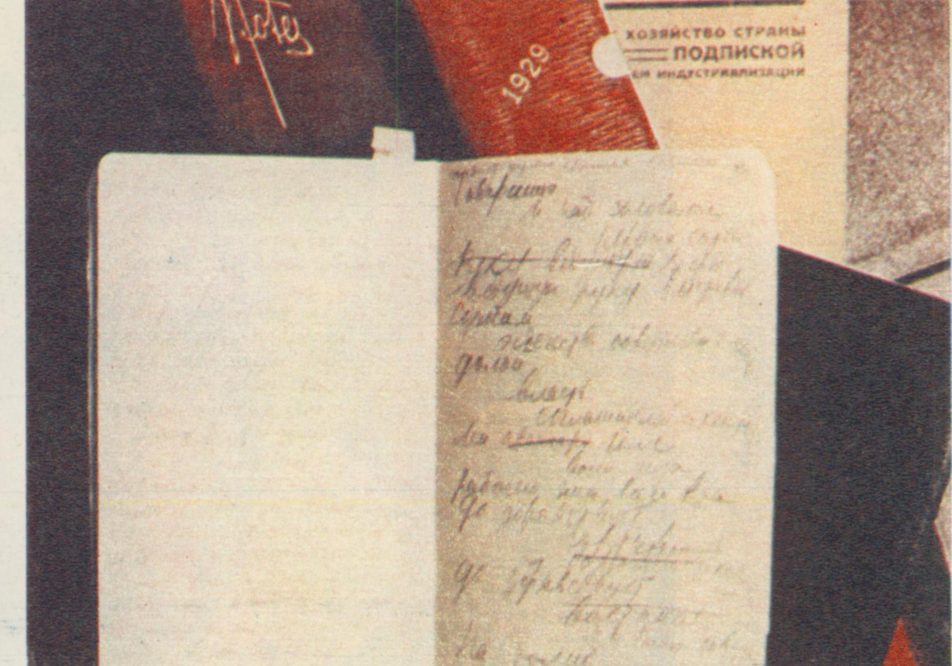


Рисунки поэта для «Окон РОСТА»

Б. Пророков. 1911—1972.
БРУКЛИНСКИЙ МОСТ.
1963—1965. Из серии рисунков
«Маяковский об Америке».

В. Маяковский. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ 2-го ДЕЙСТВИЯ «МИСТЕРИИ-БУФФ» (КОВЧЕГ).




1929
ХОЗЯЙСТВО СТРАНЫ
ПОДПИСКОЙ

PUBLICISTIK
LENIN
PROSA
Majakovskij
V. MAJAKOVSKI
ЛЕНИН
Vladimir
LENIN
ЛЕНИН
MAJAKOVSKY

Как-то раз он зашел в нашу маленькую комнатку при одной из лож театра, отведенную нам для работы. Заняв собой почти всю комнату, он сел за стол и стал рисовать цветы, какими расписывались зеркала в дешевых парикмахерских «для украшения». Нарисовал и витиеватую раму для зеркала.

Второй раз это было его несогласие с нашим эскизом костюма и грима для Олега Баяна.

— Нет, не то,— слышали мы, в который раз переделывая по-новому эскиз. На последнем рисунке Олега Баяна Мейерхольдом было написано:

«Утверждаю, но надо показать Маяковскому».

Наконец, эскиз был принят всеми, и Олег Баян появился на сцене таким, как мы его изобразили. Все остальные эскизы, как сцен, так и персонажей спектакля, принимались без поправок.

И даже тогда, когда какая-нибудь актриса начинала капризничать, не соглашаясь с нашим решением, Мейерхольд требовал, чтобы все делалось так, как у художников.

В то же время мы узнали, что и артист, репетировавший роль Олега Баяна, был заменен другим. Вместо Н. Боголюбова в спектакле его играл А. Темерин, очень хорошо. Вероятно, и тут имело значение вмешательство Маяковского.

Мы считаем, что работа по оформлению спектакля «Клоп» явилась для нас первым серьезным и ответственным испытанием как художников-сатириков. И, безусловно, в этом нам большую помощь оказало личное общение с такими выдающимися людьми, как В. Маяковский и В. Мейерхольд.

Жена А. В. Луначарского — артистка Малого театра Н. Луначарская-Розенель в своих воспоминаниях писала о том, как после одного из спектаклей «Клоп», на котором они оба присутствовали, Луначарский зашел в кабинет к Мейерхольду. Там же находился и Маяковский. Вид у поэта был взволнованный.

Говоря о спектакле, Мейерхольд высказал тогда свое впечатление о реакции зрителей. Режиссер считал, что по сравнению с первыми четырьмя картинами спектакля его вторую часть, где показывается «будущее время через пятьдесят лет», зритель воспринимает скучней. Мейерхольд тогда поделился мыслью о попытке переделать постановку второй части «Клопа».

Мнение же Луначарского о спектакле было хорошее. Пьесу он считал едкой сатирой.

В начале 1930 года Маяковский устроил свою большую выставку в Московском Доме литераторов. Она называлась «20 лет работы». На ней были показаны работы поэта — плакаты «Окна РОСТА», выполненные самим Маяковским, афиши его многочисленных выступлений и много интересных экспонатов и документов, рассказывавших об огромной творческой работе поэта за два десятилетия.

Эту выставку тогда помогали ему оформить молодые литкружковцы и приехавший из Сибири парнишка Витя Горяев, мечтавший стать художником. Маяковский помог ему поступить во Вхутемас. Всю жизнь вспоминал поэта с благодарностью ставший талантливым графиком народный художник СССР В. Н. Горяев.

В залах выставки лежала книга, в ней расписывались посетители. На страницах первого дня есть и наши фамилии.

Весной 1930 года состоялось открытие клуба писателей. Для него нами был специально приготовлен спектакль кукольного театра. Текст в стихах написал писатель-пародист А. Г. Архангельский, музыку к спектаклю сочинил композитор К. Листов и сам исполнял не на рояле. Тема спектакля «Петрушка»: начинающий поэт пытается вступить в Союз писателей. Происходит встреча его с известными поэтами, писателями и критиками. Каждый высказывает свое мнение.

Маяковский. Дружеский шарж. Кукрыниксы. 1930 год. Публикуется впервые.

Все куклы нами были сделаны со сходством. Делались они из различных мягких материалов. На волосы и бороды шел старый мех. Костюмы куклам шила жена М. Куприянова студентка Вхутемаса Е. Абрамова. Участниками являлись куклы-шаржи: В. Маяковский, В. Мейерхольд, А. Фадеев, И. Сельвинский, Ф. Гладков, Ю. Олеша, А. Эфрос и другие деятели искусства. Кукла Маяковский стучала палкой, курила, выпуская дым из папиросы через скрытую внутри резиновую трубку. Куклы надевались на руки и показывались из-за ширмы, расписанной нами. Текст за кукол читали артисты Тенин и Миров, скрытые за занавесом. За Петрушку — Рина Зеленая.

После «Театра кукол» был показан на большом экране через проекционный фонарь нарисованный нами цветной «Литературный планетарий». В нем Маяковский, например, был изображен «Большой медведицей» на черном фоне, а Асеев к «нему сосединится, как «Малая медведица». Текст к «Планетарию» написала поэтесса Вера Инбер и сама читала его в зале.

Перед самым началом кукольного спектакля к нам за кулисы пришел В. Маяковский и, спросив, можно ли ему быть ширмой, когда будет показываться спектакль, остался сидеть рядом с нами. Он внимательно рассматривал кукол, беря каждую в руки. Больше других его интересовала кукла Маяковский. Он сажал ее на стул, разглядывал со всех сторон с серьезным лицом.

Начался спектакль, а Маяковский не уходил и внимательно смотрел, как мы меняли и показывали кукол.

После перерыва в зале потух свет и на экране задвигался «Планетарий» в виде длинной бумажной ленты с шаржами на поэтов и писателей. Вера Инбер начала громко читать: «Как сказал Маяковский — «каждый пролетарий должен «знать», что такое московский планетарий...»

Маяковский стоял в дальнем углу зала. Могли ли мы подумать тогда, что в полумраке зала видим в последний раз его — высокого, красивого?

В начале апреля мы решили предложить Маяковскому написать стихи к только что законченной нами книжке для детей под названием «Старые куклы». В ней изображались цветные шаржи на царя, министра, фабриканта, купца и других дореволюционных персонажей. Выслушав по телефону наше предложение, Владимир Владимирович дал согласие написать стихи под нашими рисунками, но просил позвонить ему через неделю.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Больше мы не слышали голоса поэта.

В организованном уже много лет назад Государственном музее В. В. Маяковского бережно сохраняется «комнатенка-лодочка» поэта. Маленькая, с небольшим окошком, простой, скромной мебелью, чем-то похожей на учрежденческую. Множество посетителей этого музея всегда с большим волнением подходят к этой комнате.

На стене комнаты висит большая динамичная фотография — портрет выступающего В. И. Ленина.

Тут великий поэт воспел в своей поэме великого вождя Октября.

К этой мемориальной «комнатенке-лодочке» примыкает большое помещение музея Маяковского, имеющее не один зал.

Три года назад, в 1980-м, ровно через пятьдесят лет, в самом большом зале музея была вновь восстановлена и торжественно открыта выставка «20 лет работы В. Маяковского». И так же, как пять десятилетий назад, зрители и теперь с огромным интересом рассматривают все показанное на ней.

Внимательно вникая в творчество В. В. Маяковского и посещая эту его выставку, убеждаешься в том, что на ней представлена работа поэта не за двадцать лет, а теперь уже за семьдесят три года, так как творчество великого поэта нашего века продолжает жить и попрежнему волновать людей сегодня так же, как оно жило и волновало их всегда.

Можно со всей очевидностью привести множество примеров такому определению, если обратиться к созданному поэтом.

Думается, нелишне будет вспомнить хотя бы такое подтверждение этому.

После поездки в Соединенные Штаты Маяковским был написан ряд талантливых произведений, посвященных жизни и нравам этой страны. Одно из самых сильных стихотворений называлось «Открытие Америки» («Христофор Колумб»).

Описывая увиденное им, Маяковский кончал это произведение словами, что он бы «закрыл» Америку, почистил ее, а потом «открыл вторично».

Это его высказывание как нельзя лучше определяет состояние, в каком находятся Соединенные Штаты сейчас.

Смело можно считать эти слова Маяковского произнесенными им самим в наши дни.

Маяковский — «Большая медведица». Асеев — «Малая медведица». Рис. Кукрыниксы. 1930 год.

В Государственном музее В. В. Маяковского. Рабочий стол Маяковского * Записные книжки * «Комнатенка-лодочка» * Перо поэта * Книги В. В. Маяковского, изданные на разных языках.

Фото М. САВИНА

Мирон ПЕТРОВСКИЙ

ЭКСПРОМТЫ МАЯКОВСКОГО

Поэт выступает в Политехническом музее.

Читая воспоминания о Маяковском, неизбежно приходишь к выводу, что поэт создавал стихотворные экспромты с легкостью и охотой. Всегда и везде. Сыпал ими налево и направо. В любой обстановке и по любому поводу, начиная с той детской импровизации, которая — неожиданно для окружающих и, пожалуй, для него самого — вдруг сказалась сама собой, когда ему, ребенку, купили фотоаппарат: «Мама рада, папа рад, что купили аппарат»...

«Ценя неожиданно образующуюся рифму, Маяковский извлекал ее со сверкающей легкостью,— рассказывает Сергей Спасский.— ...Маяковский разбрасывал рифмы щедро, подчас как серпом подрезая противников.

Есть много вкусов и вкусиков.
Одному нравлюсь я, а другому
Кусиков...

Или:

Искусство строится
на «чуть-чуть», на иоте.
Помните это, поэтесса Панаиотти.

Или хлопнул однажды по Климову, когда в кафе пришел композитор Рославец, писавший музыку на тексты футуристов и оказавшийся Климову неизвестным:

Столько лет росла овца
И не слыхала про Рославца...»

«Подрезал, как серпом»,— говорит Спасский, и это очень неточная характеристика экспромтов Маяковского. Она сводит широчайший диапазон юмора Маяковского к недоброму сарказму. Между тем среди экспромтов, приведенных тем же Спасским и другими мемуаристами, есть и беспощадно саркастические, и снисходительно иронические, и задумчиво недоуменные, и просто нейтральные. Более того, экспромт Маяковского мог быть маленькой одой.

Такие оды (конечно, несвободные от иронии, как всегда у Маяковского) в бесчисленных количествах сочинялись, например, в честь двенадцатилетней девочки Виты, приемной дочери хозяйки дома, в котором Маяковский останавливался в Геленджике: «Вита деловита. Вита знаменита, только не умыта, только не побрита!» Н. Кальма рассказывает: «Он был неистощим на рифмы к имени «Вита» и почти каждый день встречал девочку чем-нибудь новым». Это бесконечное буриме на одну-единственную рифму стало почти привычной, и когда понадобилось успокоить девочку, испугавшуюся змеи, было сказано: «Вита! Она не ядовита!» — Маяковский, видно, даже не замечает, что говорит стихами».

А однажды эта девочка вместе со своей собачкой Дамкой попала в некое подобие эпоса: «Как-то утром, собираясь бриться, он заметил, что кончились одеколон и вата. Вита вызвалась сбегать в аптеку. За Витой, как всегда, увязалась Дамка. Маяковский сказал:

У Дамки —
дамские дела,
У Виты —
витиеватые.
К своим
щенятам
Дамка шла —
Вита шла
за ватою».

Заехав к знакомой девушке и застав у ее запертой двери двух мрачно поджидавших хозяйку молодых людей, Маяковский выразил свое возмущение при помощи экспромта, который был тут же записан мелом на доске. Экспромт эффектно рифмовал имя и фамилию девушки с комически серьезным упреком:

К этой
самой
Жене Хин
вечно
ходят
женихи...

Пивная, в которой надумали расписать стены фресками, была увековечена таким экспромтом:

Сижу под фрескою
и пиво трескаю.

В экспромт облекалось приглашение на карточную игру:

В ожиданье выигрыша
приходите вы и Гриша.

О неудобном диване было сказано:

Ложе прокрустово —
лежу и похрустываю.

Любое, самое микроскопическое событие немедленно заключалось в стихотворные строчки, комментировалось стихотворными строчками, получало ответ в стихотворных строчках. А порой никакого события и не требовалось — случайно сложившаяся рифма разворачивалась в целую картину:

Идет по пустыне и грохот,
и гром,
бежало стадо бизоново.
Старший бизон бежал с хвостом,
младший бизон без оного...

Эпиграммы разной — по обстоятельствам — остроты, ироническая ода и эпос, объявление, призыв и лозунг, дарственная надпись, пародия, марш — разнообразие экспромтов Маяковского сравнимо с разнообразием всего творчества поэта.

Ни один из приведенных здесь экспромтов (а также множество других, рассеянных по воспоминаниям современников) не вошел в полное собрание сочинений Маяковского.

Почему же? Быть может, возникают сомнения в достоверности экспромтов, записанных мемуаристами? Но современная наука о литературе располагает вполне надежными средствами — методикой литературно-исторического исследования и атрибутивной техникой,— чтобы в каждом отдельном случае определить принадлежность Маяковскому произведений, которые ему приписываются. Более того, можно показать, что в тот или иной экспромт — в целом, несомненно, принадлежащий Маяковскому — затесалось такое-то или вот такое чужеродное словечко—вставка мемуариста, штопающего прорехи своей памяти.

Было бы нелепостью утверждать, будто все эти экспромты — великие поэтические произведения. Но они, несомненно, произведения великого поэта, каждая строчка которого для нас драгоценна. Создания «малой», «домашней музы», порожденные громадной инерцией «стихового производства», которым был одержим поэт, они занимают срединное, межевое положение между собственно литературой и документами литературного быта. И, помимо прочего, интересны именно своим межевым положением: экспромты Маяковского показывают (не меньше, чем его черновики, но по-другому) самый процесс превращения «жизни» в «литературу». Оговорив происхождение текста, экспромты Маяковского нужно бы издать отдельным сборником, а затем поместить и в полное собрание сочинений поэта.

Непрерывное стихотворчество, импровизации, «экспромтёрство» Маяковского со стороны могли показаться забавой, игрой, отходами производства. На самом деле это было даже не работой, а чем-то большим, нежели работа: естественной и единственно возможной формой существования. Из признаний поэта, из воспоминаний современников мы знаем, что сочинением стихов Маяковский занимался непрестанно «от 10 до 18 часов в сутки» и даже во сне. Одним словом, он пребывал в постоянной «экспромтной готовности», всегда находился в «с о с т о я н и и э к с п р о м т а».

Мы располагаем парадоксальным примером того, как экспромт Маяковского выразился не в мгновенном сочинении и произнесении стихотворных строчек, а в о т к а з е от произнесения уже готового текста, в импровизированном з а п р е т е, наложенном поэтом на самого себя. Это случилось во время выступления Маяковского в санатории для костнотуберкулезных больных «Таласса». Его слушало около трехсот больных и персонала санатория. Маяковский читал им одно из лучших своих произведений — «Сергею Есенину». И вот после слов:

Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать,—

поэт сделал крохотную, в долю секунды, паузу, замеченную, надо полагать, одним лишь антрепренером поэта П. И. Лавутом, который, во-первых, хорошо знал репертуар Маяковского, а во-вторых, обладал натренированным ухом профессионального актера. Дальше должны были идти знаменитые, горько-патетические строки:

Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легше?

Всегдашнее «состояние экспромта», пребывание в непрерывной экспромтной готовности дало возможность поэту за время кратчайшей паузы понять, что читать эту строфу здесь, перед действительными, неметафорическими «калеками и калекшами» недопустимо. Бестактно. Безнравственно. И, о п у с т и в эту строфу, Маяковский стал читать следующую...

Перед нами поразительный случай «экспромта наоборот», «отрицательного экспромта». Этот «минус-экспромт» блистательного экспромтера демонстрирует «состояние экспромта» с противоположной стороны, доказывает его «от обратного».

Насколько мне известно, никто никогда не занимался специально экспромтами Маяковского. А заняться ими следовало бы—и весьма внимательно. И не только для того, чтобы расширить корпус сочинений поэта. Нужно исследовать экспромты Маяковского в контексте всего его творчества. Такой подход позволит, между прочим, осознать явно выраженный «экспромтный» характер многих его произведений. Что, как не цепочка экспромтов, «Красноармейская азбука»? Что, если не зафиксированные самим поэтом экспромты, тексты «Окон РОСТА»? И рекламные тексты? Явно экспромтны по происхождению реплики персонажей «Мистерии-буфф».

Экспромты Маяковского — этот, казалось бы, «периферийный», окраинный жанр — дают еще и ключи к постижению основных механизмов творческого процесса Маяковского.

Киев.

Никогда не забуду

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР

Видеть и слышать Владимира Маяковского мне доводилось много раз при самых различных обстоятельствах, в самых разнообразных ситуациях. Вижу его в редакции только что появившегося на белый свет журнала «Крокодил». Он громогласно читает стихотворение «Нате! Басня о «Крокодиле» и подписной плате», написанное им по просьбе основателя и первого редактора «Крокодила» старого большевика-правдиста К. С. Еремеева для популяризации нового журнала.

Вижу его в редакции «Известий», где он стал частым гостем после того, как напечатанное в этой газете стихотворение «Прозаседавшиеся» удостоилось высокой оценки В. И. Ленина, сказавшего на другой день с трибуны Всероссийского съезда металлистов: «...Давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной».

Помню, как известинцы сбегались в кабинет редактора И. И. Скворцова-Степанова, завидев, что туда, открыв дверь в редакцию размашистым ударом ладони (он не любил браться за дверные ручки), направляется Маяковский. Никто не хотел упустить случая послушать чтение поэтом своих стихов. А Маяковский, как известно, просто великолепно читал свои произведения, и сравниться с ним в этом отношении не мог ни один мастер художественного слова, ни один самый знаменитый артист. И рокотание его красивого, мощного голоса, и четкая, выразительная дикция, и пластичная жестикуляция — все это захватывало слушателей, делало доходчивыми и понятными самые «сложные» его стихи.

Бывало, правда, что Скворцов-Степанов, внимательно выслушав поэта, брал новое стихотворение в руки и вооружался очками.

— Я, извините, плоховато беру на слух,— говорил он с лукавой искоркой в глазах,— поэзию необходимо проверять глазами, особенно вашу, уважаемый Владимир Владимирович!

Маяковский не выказывал при этом ни малейшего неудовольствия или обиды. Терпеливо выслушав замечания редактора, он, как правило, покладисто принимал их к сведению и, усевшись за свободный стол в секретариате, переделывал отдельные слова и строчки. При этом он еще успевал отпускать шутливо-колючие замечания по адресу вертевшихся вокруг сотрудников газеты (кому же не интересно пообщаться с Маяковским?!). Не раз доставалось при этом и мне.

А вот скромное помещение новорожденного журнала «Огонек». Март 1923 года. Поэт дружен с молодым редактором нового еженедельника Михаилом Кольцовым и принес обещанное для первого номера «Огонька» стихотворение, посвященное В. И. Ленину. В дружеской тесноте, где сгрудились и немногочисленные работники редакции и пришедшие «на огонек» писатели, журналисты, художники, фотографы, в напряженной тишине звучат вдохновенные строки:

...Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.

На редакторском столе лежат материалы для очередного номера. Среди них и мои иллюстрации к рассказу одного советского писателя. Маяковский по-хозяйски перебирает рукописи, берет один из моих рисунков.

— Ваш?

— Мой, Владим Владимыч.

— Плохо.

Я недоверчиво улыбаюсь. Не потому, что убежден в высоком качестве моей работы, а уж както очень непривычно слышать такой прямой и безапелляционный отзыв. Обычно, если не нравится, то «принято» промолчать или промямлить что-нибудь маловразумительное.

Маяковский протягивает огромную руку за другим рисунком. Я слежу за ним уже с некоторой тревогой.

— Плохо,— отчеканивает он и берет третий, последний рисунок.

— Оч-чень плохо,— заявляет поэт и, видимо, считая обсуждение законченным, заговаривает с кем-то другим.

Таков был стиль Маяковского — простой, прямой и предельно откровенный.

В вопросах искусства он был непримиримо принципиален даже в мелочах, не считая нужным дипломатничать, кривить душой, говорить обиняками и экивоками. Плохо — значит, плохо, и «никаких гвоздей». Вероятно, это нажило ему немало недоброжелателей и даже врагов. Но я, скажу по чистой совести, не обиделся на Маяковского. Я поверил ему, что рисунки действительно плохие. Тем более приятны были для меня скупые похвалы, которые впоследствии приходилось от него слышать.

Не раз и не два доводилось мне видеть Маяковского на трибунах переполненных, бурлящих, разгоряченных аудиторий. Слышал, как он читал сначала обычно новые, недавно написанные стихи, а потом по просьбам слушателей и старые, хорошо знакомые, но никогда не приедающиеся. После чтения стихов — ответы на записки и реплики из зала, что всегда выливалось в темпераментную, иногда резкую, но неизменно интересную, острую и почти всегда веселую полемическую перестрелку. Однако это были не только короткие уничтожающие реплики и саркастические замечания Маяковского, но и терпеливое, серьезное разъяснение им тех или других вопросов поэзии и стихосложения.

Я помню Маяковского на докладах и диспутах — спокойного, уверенного в себе, с недоброй, язвительной усмешкой слушающего оппонентов, а потом атакующего их со всей силой разящей иронии и полемического азарта. Вижу я его и злого, разъяренного, багрового и потного, отбивающегося от натиска противников, как могучий олень отбрасывает от себя теснящую его свору гончих. Именно таким вспоминаю я его на одном из самых ожесточенных полемических сражений — на знаменитом диспуте «Леф или блеф» весной 1927 года в Политехническом музее.

Сегодня, когда имя Владимира Маяковского покрыто славой всенародного и мирового признания, трудно поверить, как часто приходилось ему, особенно в последние годы жизни, выслушивать злые и недобросовестные нападки всяческой, по его выражению, «литературной шатии». Как охотно некоторые писатели и критики старались сделать по его адресу какое-нибудь обидное и недоброжелательное замечание, не упустить случая как можно больнее ранить, уязвить, оскорбить поэта.

Помню, каким улюлюканьем и издевательствами были встречены уверенные, гордые и немного грустные строки из стихотворения «Юбилейное»:

После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.

В одном сатирическом журнальчике появилась даже карикатура с ядовитой подписью, которую недруги Маяковского назойливо смаковали и повторяли повсюду, в том числе, конечно, и на диспуте «Леф или блеф»: «Пушкин (обращаясь к Маяковскому):— Я, действительно, на П, а вы на М, но между нами есть еще Н и О, то есть маленькое «НО»...»

Тогда это многим показалось очень остроумным. А что получилось на самом деле? Прошло не так уж много времени, а на полках библиотек, в бронзе памятников на двух центральных соседних площадях советской столицы и, главное, в сознании и сердцах миллионов людей Маяковский действительно встал навечно рядом с Пушкиным.

Никогда не забудется выступление Маяковского на открытии Московского клуба мастеров искусств (теперь — ЦДРИ). На этот вечер собралась, как говорится, «вся Москва», театральная и литературная. Было шумно и весело. На маленькую эстраду один за другим поднимались из-за столиков популярные артисты, пели, играли, декламировали, произносили шуточные экспромты и тосты. И вдруг раздались голоса:

— Маяковский! Маяковский! Просим выступить Маяковского!

Многие встали и начали аплодировать. Маяковский нехотя поднялся и медленно стал пробираться через переполненный зал, пожимая по пути руки знакомым. Выйдя на эстраду, большой, почти упираясь головой в низкий потолок, он на минуту задумался, провел рукой по темной волне густых красивых волос и сказал:

— Я прочту — впервые — вступление к моей новой поэме. Вступление называется «Во весь голос».

Маяковский вынул из кармана маленькую записную книжку, раскрыл и, не заглядывая в нее, произнес:

— Уважаемые товарищи потомки!

И все почувствовали, что в легкую, веселую атмосферу вечера вошло нечто значительное, вдохновенное, огромное... Стихи, словно отлитые из металла, ширились, росли, заполняли зал, накатывали, как мощный прибой. Впервые коснулись нашего слуха литые строки, ставшие ныне хрестоматийными:

Мой стих трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима...

Все стоя рукоплескали. Ни на кого не глядя, с особенно четко и сурово обозначившейся вертикальной морщинкой между бровей, Маяковский возвратился на свое место. После него никто больше не мог и не стал выступать.

Это было 25 февраля 1930 года.

Вариант. Публикуется впервые.
Рис. Бор. Ефимова. 1927 год.

Фрагмент группового дружеского шаржа «Смотр сотрудников «Известий» в день десятилетия». В центре — В. Маяковский. Вместе с ним изображены С. Городецкий, Демьян Бедный, Д. Заславский, М. Шагинян, В. Лидин и другие.

Принимают «смотр» редактор «Известий» И. Скворцов-Степанов, И. Гронский, В. Полонский и др.

«Я к вам приду...»

1. В. Маяковский со своим любимцем Скотиком. Пушкино. 1924 год. Фото А. Родченко.

«Володя вышел, я тоже пошел посмотреть сад и увидел, на заднем крыльце стоит мороженщик, накладывает несколько порций и ставит на пол... Володя стоит и с невероятной нежностью смотрит, как Скотик ест и облизывается. Володя улыбается, спрашивает: «Ну, еще хочешь?» Я решил их снять со Скотиком. Он взял его на руки, и в саду я их снял».

А. Родченко

2. В. Маяковский и писатель Иозеф Гора. Прага, апрель 1927 года. Фото А. Гофмейстера

«...Фотографировались мы на балконе. Маяковский смотрел вниз на муравейник Лазаревской улицы, я видел его через глазок своего цейсовского объектива... Он постоял и, объяв взором весь город, любовно сказал: «Прелестная маленькая Прага»...»

А. Гофмейстер

3. В. Маяковский среди постановщиков спектакля «Двадцать пятое» по поэме «Хорошо!» в ленинградском Малом оперном театре. 1927 год. Фото В. Буллы

«Я думаю, что переделка поэмы на театральное действие — опыт очень трудный уже по одному тому, что современный актер в области декламации целко держится за старые традиции».

В. Маяковский

4. На открытии нового дома отдыха. Сочи. 1929 год. Фото Г. Ясинского

Начиная с 1926 года Маяковский каждое лето приезжал в Крым и на южное побережье Кавказа. Исследователи считают, что нет города-курорта, где бы не выступал он с докладами. Летом 1929 года в небольшом кинотеатре в Сочи поэт выступил с программой: Леф или Реф. Новое и старое. (Стихи и вещи).

5. В. Маяковский. Париж, 1925 год. Фото П. Шумова

6. В. Мейерхольд, Н. Эрдман, В. Маяковский в дни подготовки пьесы «Клоп». 1929 год. Фото А. Темерина

«...Я никогда не позволял себе такой роскоши, как допускать драматурга к совместной режиссерской работе... Маяковского я не только допускал, а просто даже не мог начинать работать пьесу без него. Так было с «Мистерией-буфф», так было с «Клопом», так было с «Баней».

В. Мейерхольд

7. Поэт среди красноармейцев на книжном базаре. 9 июня 1929 года.

На Тверском бульваре у книжных киосков известные поэты и писатели помогали торговать книгами. «Самое невообразимое творилось у киоска с надписью: «Здесь торгует В. Маяковский». «Вечерняя Москва» даже встревожилась: «Толпа, узнавшая популярного поэта, растет и угрожает остановить всякое движение по аллее базара...»

Л. Волков-Ланит

8. На выставке «20 лет работы». Февраль 1930 года.

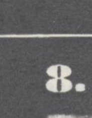
«На тринадцатом году революции я нахожусь под впечатлением, что мне нужно помочь в работе. Выставка — это не юбилей, а отчет о работе. Я требую помощи, а не возвеличения несуществующих заслуг».

В. Маяковский

Материалы публикации «Я к вам приду...» подготовили О. МАКАРОВА (Государственный музей В. В. Маяковского) и А. БАСМАНОВ.

3.

4.



5.

6.

7.

8.

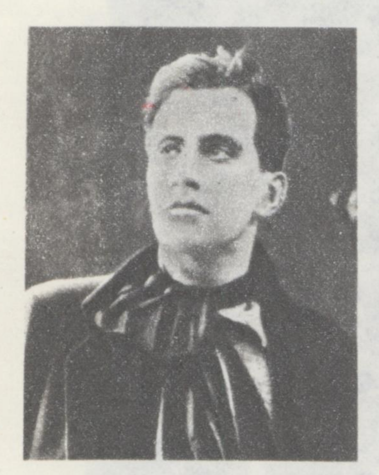
Владимир ЕНИШЕРЛОВ

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

Ф. Тютчев

Солдату
упал
огонь на глаза,
на клок
волос
лег.
Я узнал,
удивился,
сказал:
«Здравствуйте,
Александр Блок».

В. Маяковский



Владимир Маяковский. 1918 год.

Огненный 1918 год подходил к концу. Приближалась первая годовщина Октября. Уже торжественно и неумолимо прошествовали по метельным петроградским улицам двенадцать красногвардейцев Блока. Россия узнала его революционную трилогию «Двенадцать», «Скифы» и «Интеллигенция и революция», в которой крупнейший поэт начала XX века распахнул сердце навстречу вихрю революции, уже прозвучал его призыв, обращенный к интеллигенции: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!»

Владимир Маяковский был одним из тех русских художников, кто сразу же решительно встал на сторону революционного народа. «Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось». А в начале ноября 1917 года ВЦИК, только что избранный на II съезде Советов, пригласил в Смольный крупнейших представителей петроградской литературно-художественной интеллигенции. Собралось всего несколько человек. Поименно известно шестеро. Среди них два поэта — Александр Блок и Владимир Маяковский.

И вот минул год. Голод, холод, разруха, угроза интервенции не остановили и не отбросили назад художественную жизнь Петрограда. Но она, как и вся жизнь, наполнилась новым содержанием. Об этом очень хорошо сказал в одном из писем летом 1918 года Блок: «Нового личного ничего нет, а если б оно и было, его невозможно было бы почувствовать, потому что содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия. Мы так молоды, что в несколько месяцев можем совершенно поправиться от 300-летней болезни. Наша Демократия в эту минуту, действительно, «опоясана бурей» и обладает непреклонной волей...» Именно это убеждение дало право Блоку на вопрос анкеты: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — ответить прямо и категорично: «Может и обязана». «Нужно приветствовать новую власть и войти с ней в контакт»,— говорил как бы в унисон Блоку в это время Маяковский.

Одним из самых значительных культурных событий в Петрограде 1918 года стала постановка в первую годовщину Октября пьесы Маяковского «Мистерия-буфф» на сцене театра Музыкальной драмы. Поэт успел закончить пьесу в сентябре и в конце месяца впервые читал ее дома друзьям. Блок записал в этот день: «В 8 час. вечера Маяковский зовет слушать его пьесу... Не пошел». Среди присутствовавших на том чтении был А. В. Луначарский, очень высоко отозвавшийся о пьесе, отметивший ее новаторский порыв и приветствовавший Маяковского, сумевшего выразить истинные революционные чувства.

Затем в сентябре — октябре Маяковский не раз читал «Мистерию-буфф» в различных аудиториях, проверяя ее доходчивость на самых разных слушателях. Пьеса нравилась, ей нужен был театр. А сцены не находилось. Нарком просвещения распорядился, чтобы «Мистерия-буфф» была прочитана труппе Александринского театра и там же поставлена. Актеры бывшего императорского театра кисло выслушали пьесу, а затем председательствующий, уловив отношение труппы, «очень ловко, с десятком комплиментов по адресу иронически улыбавшегося Маяковского, сообщил, что, по его мнению, такую интересную, насыщенную современностью пьесу старейшему театру не поднять и что необходимо для ее исполнения найти таких же молодых и современных актеров, как и сам автор».

В конце концов решили готовить «Мистерию-буфф» силами сборной труппы. «Товарищи актеры! — говорилось в обращении, опубликованном в петроградских газетах.— Вы обязаны великий праздник революции ознаменовать революционным спектаклем. Вами должна быть разыграна «Мистерия-буфф», героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским». Предстоящую премьеру статьей «Коммунистический спектакль» предварил Луначарский: «Я от души желаю успеха этой молодой, почти мальчишеской, но такой искренной, шумной, торжествующей, безусловно демократической и революционной пьесе». В спектакле, поставленном Мейерхольдом и Маяковским и шедшем всего три вечера — 7, 8 и 9 ноября, сам поэт играл Человека, и это, по словам современника, было незабываемое, прекрасное, сильное зрелище.

Те три ноябрьских дня в суровом, полном лишений Петрограде вылились в триумфальный праздник годовщины революции. Город был украшен транспарантами, панно, плакатами, выполненными лучшими художниками. Демонстрации, салют залпами пушек Петропавловской крепости, яркий свет прожекторов, разгонявший ночную мглу, почести могилам павших борцов на Марсовом поле — все это глубоко поразило Блока, остро и радостно воспринимавшего происходящее, вновь почувствовавшего в воздухе звучание «всемирного оркестра», увидевшего сполохи «мирового пожара».

Поздно ночью 7 ноября Блок записал, вернувшись домой с первого представления «Мистерии-буфф»: «Празднование Октябрьской годовщины. Вечером с Любой — на мистерию-буфф Маяковского... Исторический день — для нас с Любой — полный. Днем — в городе вдвоем: украшения, процессии, дождь, у могил. *Праздник*. Вечером — хриплая и скорбная речь Луначарского, Маяковский, многое. Никогда этого дня не забыть». Блок ощутил в «Мистерии-буфф» столь близкую ему романтику мировой революции, увидел черты того высокого подъема, о котором много думал и писал в первый революционный год: «Что же задумано? *Переделать все*. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» («Интеллигенция и революция»).

Финал «Мистерии-буфф» звучал как бы оптимистическим откликом на эти слова:

Трудом любовным
приникнем к земле
все,
дорога́ кому она.
Хлебьтесь, поля!
Дымьтесь, фабрики!
Славься!
Сияй,
солнечная наша
Коммуна!

Пафос революционного изменения мира пронзил не только «Мистерию-буфф», но и «150 000 000», и «Левый марш» Маяковского, и, конечно, «Двенадцать» Блока.

Сам Маяковский почти бредил «Двенадцатью», он читал их беспрерывно, а в 1920 году на заседании коллегии Наркомпроса первой среди пьес «исключительно революционного характера», которые предполагалось поставить в Октябрьские дни, назвал «Двенадцать».

Не случайно стилистическое и идейное сходство названных произведений Блока и Маяковского. В них поэты приникли к сердцу восставшего города, почувствовали ритм улицы, сделали язык революционного народа языком своей поэзии.

Это точно уловил сам Маяковский, отметивший позже в статье «Как делать стихи»: «Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни:

Революцьонный держите шаг!
(Блок)
Разворачивайтесь в марше!
(Маяковский)»

Некоторые критики, хотя и с немалым удивлением, обнаружили по выходе «Двенадцати» ее связь с поэзией Маяковского: «Необычайное явление — Блок, тихий поэт «лиры», пишет громкую, кричащую и гудящую поэму «Двенадцать», в которой учится у Маяковского».

И все же не стоит излишне прямолинейно говорить об учебе Блока, даже периода «Двенадцати», у Маяковского. Связь их поэзии гораздо сложнее. Поэтика молодого Маяковского впрямую перекликается с «городскими» стихами Блока, со стихами периода его второго тома. Обостренный трагизм восприятия Блоком цивилизации «страшного мира» был близок молодому Маяковскому, бросавшему резкие обвинения буржуазному городу и его обитателям. Но точно подметила литературовед И. Правдина, что там, где Блок говорил «Нет!», Маяковский провозглашал «Долой!», многократно усиливая отрицание Блока. То, что Маяковский шел в своей поэзии от Блока, для многих было аксиомой. Давид Бурлюк, например, вспоминал, что в 1911—1912 годах Маяковский поражал его «знанием Александра Блока, и он потратил немало сил, «выколачивая» Блока из Маяковского.

Конечно, не случайно и Блок сразу же заметил Маяковского в среде буйно шумевших на эстрадах и в салонах футуристов.

Первый сборник футуристов «Пощечина общественному вкусу», вышедший в 1912 году, в котором среди прочих были напечатаны два стихотворения Маяковского, был в библиотеке у Блока. Этот экземпляр сохранился сейчас в частной коллекции в Ленинграде. Отчеркивания и пометы на полях говорят, что Блок очень внимательно знакомился со сборником,

вызвавшим у него в целом отрицательную реакцию. Тем интереснее свидетельство давнего знакомого Блока Василия Гиппиуса, который писал, как в 1913 году в кулуарах одного из поэтических вечеров Блок рассказывал о «вечере футуристов». Присутствующим было любопытно узнать мнение Блока об этой новой генерации художников. Блок сказал: «Есть из них один замечательный: Маяковский». «Это было неожиданно,— замечает Гиппиус,— уже потому, что о футуристах принято было говорить огулом, не задумываясь над индивидуальными различиями. На вопрос, что же замечательного находит он в Маяковском, Блок ответил с обычным лаконизмом и меткостью — одним только словом: «Демократизм».

Заметим, что к тому времени не прошло еще и года, как стали известны первые стихи Маяковского.

Через несколько лет, уже после революции, в знаменитой статье «Без божества, без вдохновенья»

Александр Блок. 1918 год.

Блок писал о мощном голосе молодого Маяковского, «автора нескольких грубых и сильных стихотворений». Друг Блока В. Зоргенфрей вспоминал, что Блок, «возражая многим и многим, отстаивал за Маяковским право громадного таланта». Защищать талант Маяковского в годы, когда имя его вызывало у большинства лишь насмешку и раздраженное отрицание,— для этого нужна была не только исключительная поэтическая чуткость Блока, но его мужество и «бесстрашная искренность».

Сохранилась любопытная запись рассказа Маяковского о его встрече с Блоком: «— А вы часто встречались с Блоком? — Не часто, но многозначительно.— И, присев на подлокотнике кресла, рассказывает об одной встрече с Блоком. Кто-то привел его совсем молодого к поэту... Блок, молчаливый, угрюмый, сидел в темных креслах, явно тяготясь посетителями. Маяковский попросил разрешения прочесть «Облако в штанах». Читал горячо, очень волнуясь. Блок был ему дорог. Оценка важна. Чтение закончилось. Длинная тягостная пауза. Собеседники, бывшие в комнате, начали разбирать поэму. Кто-то что-то советовал, против чего-то возражая... Хозяин молчал. В комнате темнело, и он все глубже уходил в кресла. Молчание его показалось Маяковскому нестерпимым. Он встал. Начал прощаться. Блок вышел его проводить в переднюю. Тщательно закрыл дверь в кабинет и вдруг доверчиво улыбнулся Маяковскому: — Не слушайте вы их! Вещь замечательная!..» Надо ясно представлять себе, кем был тогда для молодых да и не только для молодых поэтов Блок, чтобы понять, что могли значить для Маяковского эти слова.

В библиотеке А. Блока, которая находится в Пушкинском доме в Ленинграде, сохранился экземпляр поэмы «Облако в штанах» с надписью: «А. Блоку В. Маяковский расписка—всегдашней любви к его слову». В свою очередь, Блок в 1916 году написал на одной из книг своего четырехтомника, изданного «Мусагетом»: «Владимиру Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю». (Книга утеряна. Реконструкция текста дарственной надписи и датировка А. Е. Парниса.) Эти две надписи еще раз подтверждают тот глубокий взаимный интерес, который питали поэты друг к другу. Не так давно, публикуя письма Блока к Вс. Мейерхольду, автору этой статьи довелось впервые обнародовать еще одну примечательную запись Блока о Маяковском. Блок некоторое время редактировал отдел поэзии в небольшом журнальчике Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам». Всегда стремясь делать порученное ему дело как можно лучше, Блок чрезвычайно ответственно относился к формированию поэтического отдела журнала. Он стремился печатать стихи наиболее интересных и значительных поэтов, публиковал здесь и свои произведения, например, шедевр русской лирики — цикл «Кармен» был впервые напечатан в журнале Мейерхольда. И вот в письме от 7 февраля 1916 года, обращаясь к Мейерхольду по поводу публикации в журнале стихов В. Княжнина, предлагая разыскать забытую драму А. Григорьева, замечая, что «со своей стороны, я бы, если Вы не имеете против, мог прибавить своего — давно написанного», Блок, видимо, совершенно неожиданно для редактора журнала замечает: «А вот еще если бы, вместо всех стихов, которые я имею Вам предложить, дал отрывок или отрывки Маяковский, было бы интереснее». Речь здесь идет об отрывках из поэмы «Война и мир». Так, сразу чутко уловив «подлинность» таланта Маяковского, Блок уже в начале его пути не только резко выделил его из среды окружающих футуристов, но и смело поставил среди наиболее значительных поэтов-современников.

Конечно, все это не смывало разногласий и полемики, которая порой вспыхивала между поэтами. В одном эпизоде, происшедшем в конце 1918 года, разность позиций Маяковского и Блока выразилась очень ясно.

15 декабря 1918 года в газете «Искусство Коммуны» было опубликовано стихотворение Маяковского «Радоваться рано». Там были и такие строки:

...Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!
. . . .
Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?

В той же газете резко ответил поэту Луначарский. «Не напрасно,— писал нарком просвещения,— говорят мне, потрачено столько порою героических усилий на сохранение всякой художественной старины; не напрасно мы шли даже на нарекания, будто мы оберегаем «барское добро»,— и мы не можем позволить, чтобы официальный орган нашего же Комиссариата изображал все художественное достояние от Адама до Маяковского кучей хлама, подлежащего разрушению... Слишком часто в истории человечества видели мы, как суетливая мода выдвигала новенькое, стремившееся как можно скорее превратить старое в руину, и как после этого плакало следующее поколение над развалинами красоты, пренебрежительно проходя мимо недавних царьков быстролетного успеха».

Нигилистически неверное отношение Маяковского в тот период к художественному наследию минувшего вызвало ответ и Блока. Статья не была написана, но в сохранившемся наброске сквозь отчетливо выраженную антибуржуазность Блока ясно видится его романтическая надежда на обновление старого мира, никак не связанная в его мировоззрении с уничтожением культуры прошлого. «Не так, товарищ! — писал Блок, обращаясь к Маяковскому.— Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же ТРАДИЦИОННО, как оно... Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира: нарушение традиций — та же традиция». Романтический революционный максимализм Блока, ощущение правоты возмездия давали силы поэту быть не плакальщиком ушедшего и не его апологетом, а смотреть вперед, чутко улавливая «дух музыки», который несет грядущая мировая революция.

Внутренний полемический диалог с Блоком Маяковский продолжил в статье-некрологе «Умер Александр Блок», где, помимо прочего, рассказал о примечательном эпизоде: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок... Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо»,— сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме «Двенадцать». Даже если оставить в стороне явную фактическую неточность Маяковского, перекочевавшую позже в его поэму «Хорошо!», касающуюся гибели Шахматова и реакции на нее Блока, необходимо заметить, что двойственности, о которой пишет далее Маяковский, у Блока по отношению к революции не было. Выбор был сделан им сразу точно и определенно. «Революция — это: я — не один, а мы» — вот его позиция. И не потому он не шевельнул пальцем, чтобы спасти свое крохотное любимое Шахматово (хотя наверное мог это сделать), что не жалел его, а потому, что ощущал высшую справедливость возмездия, потому что приветствовал со всей присущей ему прямотой очистительный пожар революции, который должен гореть «долго и неудержимо... пока не запылает и не сгорит весь старый мир дотла». В этом проявилась та романтическая идеология Блока, которую не понял или не захотел увидеть Маяковский. Правда, позже он несколько изменил свою трактовку образа Блока в поэме «Хорошо!», в целом полемичной по отношению к «Двенадцати», но так и не смог избавиться от мысли о двойственном отношении Блока к революции.

При всем том восхищение перед личностью Блока и «всегдашняя любовь к его слову» никогда не оставляли Маяковского. Борис Пастернак в очерке «Люди и положения» рассказал, как на вечере Блока в Политехническом музее Маяковский предупредил его, что «в Доме печати Блоку под видом критической неподкупности готовят бенефис, разнос и кошачий концерт. Он предложил вдвоем отправиться туда, чтобы предотвратить задуманную низость». Но поэты опоздали (Блоку неожиданно дали автомобиль, а они отправились через всю Москву пешком), и «Блоку после чтения в Доме печати наговорили кучу чудовищностей, не постеснялись в лицо упрекнуть его в том, что он отжил и внутренне мертв...». Многое раскрывает в Маяковском это рыцарское стремление защитить честь поэта, несмотря на размолвки и полемику. Оно говорит о высоте и благородстве его души — качествах, без которых немыслим истинный поэт.

В этом эпизоде проявились те черты Маяковского-поэта, Гиганта, наделенного доброй силой и благородством, которые покорили в свое время Марину Цветаеву. Со свойственной ей проницательностью она ощутила редкую «действенность» дружбы Маяковского. Цветаева сообщала Ахматовой в августе 1921 года: «Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимее... Скажу Вам, что единственным — с моего ведома — Вашим другом (друг — действие!) среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу Кафе Поэтов. Убитый горем — у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни...» Как жаль, что в критический момент рядом с самим Маяковским не оказалось такого друга, способного на поступок.

Там же, в Москве, после одного из выступлений Блока Маяковский встретился с Л. Никулиным, записавшим их разговор: «—Были вчера?— Был.— Что он читал? (Маяковский так и сказал «он», как будто речь могла идти не о ком ином, как только о Блоке и его вечере.) — «Возмездие».— Успех? Ну, конечно, хотя я не знаю поэта, который бы читал хуже.— Помолчав, он взял карандаш и начертил на бумажной салфетке в две колонки несколько цифр, затем разделил их вертикальной чертой. Я вопросительно посмотрел на него. Указывая на цифры, он сказал:— У меня из десяти стихотворений пять хороших, три средних, два плохих. У Блока из десяти стихотворений восемь плохих и два хороших, но таких хороших мне, пожалуй, не написать.— И задумчиво порвал в клочки бумажную салфетку».

Имена двух великих поэтов, Блока и Маяковского, знаменуют для нас зарю литературы социалистической эпохи. Один из них как бы связал своим творчеством золотой век русской поэзии, век Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова с литературой, истоки которой ознаменовались его поэмой «Двенадцать». Второй, младший, уверенно шагнул дальше, бесстрашно прокладывая новые пути в советской поэзии. Творчество их обоих, в огненные годы ставших по одну сторону баррикад,— прекрасный пример высокого служения искусству, Родине, народу.

НА АКУЛОВОЙ ГОРЕ

Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою.

В. Маяковский

В подмосковный город Пушкино приходит немало писем с адресом: «Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дороге». Содержание их подобно письму школьников из Челябинска: «Мы, ученики 7-го класса «б», хотим узнать, есть ли сейчас такая дача? Кто там живет?»

Судьба литературного места, известного по стихотворению Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», волнует почитателей его поэзии.

Владимир Владимирович любил Пушкино, называл его «лучшим курортом», «вторым Кавказом».

Впервые Маяковский поселился в Пушкине в начале лета 1920 года. Станция Пушкино тогда была конечной остановкой дачных поездов, поэтому поселок Пушкино сочетал удобное сообщение с Москвой и деревенскую тишину. Дача Румянцева стояла на вершине Акуловой горы перед большим заливным лугом.

У Маяковского на даче всегда было много гостей. Здесь бывали киноработники Л. Кулешов, А. Хохлова, поэты Н. Асеев, С. Кирсанов, писатель В. Шкловский, художник А. Родченко и другие. Перед шумным, веселым обществом читали стихи. Любили играть в только что появившийся пинг-понг.

Жизнь в Пушкине была необходима для Маяковского. Как-то Владимир Владимирович сказал, что не может написать поэму, не побывав в деревне. В те дни он работал над поэмой «Хорошо!».

В Пушкине Маяковский снимал дачи у четырех хозяев. Дача Румянцева, по некоторым сведениям, была позже перевезена в Новую деревню и перестроена.

Само Пушкино за последние 50 лет сильно изменилось. Дачный поселок превратился в большой промышленный город. Коренные преобразования коснулись окрестностей Акуловой горы. В 1933 году началось строительство канала Москва — Волга. Акулова гора была почти вся срыта. Из нее брали песок для строительства плотины. На месте деревни Акуловки разлилось Учинское водохранилище. Забетонирован высокий песчаный берег реки Учи, который так любил Маяковский. Уцелела на южном склоне Акуловой горы дача Вячеславова, на которой тоже жил поэт. Дом сохранился благодаря трогательным заботам Анны Ивановны Антоновой. В 1933 году поселилась она в этом доме вместе с мужем-геологом, получившим работу на строительстве канала. Ничего особенного не делала Анна Ивановна, просто берегла дом в память о Маяковском, даже обои в комнатах не меняла. В саду выращивала белые грибы и множество цветов, даже лесные ландыши. Не разрешала провести переустройство участка строптивому соседу-пчеловоду. После войны, как могла, боролась с новой угрозой дому: пушкинские хозяйственники упорно заставляли жильцов выкупить у государства обветшалый, нерентабельный дом и делать с ним что заблагорассудится. Помогли общественные организации, люди, которые шли к Маяковскому на Акулову гору, к единственному домику в Пушкине, где бережно хранилась память о поэте. Никогда не прекращался поток писем, поток посетителей к дому Анны Ивановны. В шестидесятые годы частыми гостями дачи стали маяковцы, ученики школ имени Маяковского. Всех принимала Анна Ивановна, всем рассказывала те сведения о жизни Владимира Владимировича, которые по крохам собирала сама в Пушкине. Множество теплых писем получила она. Ребята из Бердянска написали ей: «Дорогая наша, родная Анна Ивановна! Для нас теперь что-то единое — Вы, Маяковский и дача на Акуловой горе. Спасибо Вам за письма и добрую душу».

В 1968 году в бывшем доме Вячеславовых была открыта библиотека-музей В. В. Маяковского. Немало средств вложил Пушкинский горсовет в перестройку, содержание и бесконечные ремонты дома на Акуловой горе. Но практически музей там так и не создан. Правда, энтузиасты всегда отмечают здесь

день рождения поэта — читают его стихи и воспоминания о нем.

Теперь дом перестроили по новому плану, грубо нарушив внутреннюю планировку мемориала. Четыре комнаты, одна из которых была кабинетом Маяковского, перекроили в две. Стены обили современными стандартными дощечками, застеклили веранду целиком. Заменили ее резные части сплошными досками. Получилась стандартная контора сельского типа, где разместился филиал городской библиотеки. Кем-то привезенные вещи: стол, самовар, кувшин — выдаются за личные вещи Владимира Владимировича. Образцовый порядок на участке давно забыт.

Естественно спросить, кто виноват в таком состоянии мемориала Маяковского в Пушкине. Все ответственные организации считают, что свое дело они выполняли добросовестно, и претензий к ним предъявить нельзя. Отдел культуры Пушкинского горсовета не смог организовать музейную работу на Акуловой горе. Двум женщинам-библиотекарям не под силу создать здесь полноценную музейную экспозицию, вести научную работу, пропагандировать творчество Маяковского. Сотрудники Государственного музея В. В. Маяковского в Москве считают, что они и так слишком много сил тратят на внеплановую шефскую помощь библиотеке-музею на Акуловой горе.

Давно назрел вопрос определить для мемориала Маяковского в Пушкине единого хозяина, способного решать как хозяйственные, так и научные проблемы. По-видимому, таким хозяином может стать Государственный музей В. В. Маяковского, если дом поэта на Акуловой горе официально станет его филиалом.

С. САФОНОВА

В. Маяковский, Казань. 1914 год. Автограф Маяковского на обороте фотографии.

ОТ ЧЕЛОВЕКА С БОЛЬШОЙ ПАМЯТЬЮ

В фондах Государственного музея В. В. Маяковского хранится немало документальных свидетельств того, как на протяжении всей жизни талантливо и неутомимо Маяковский пропагандировал свои произведения. Это воспоминания его современников, письма и записки читателей и слушателей, автографы поэта на книгах, продававшихся во время его выступлений.

Маяковский мечтал о широкой читательской аудитории и шел к осуществлению мечты разными путями. Это были не только публичные выступления. Он мог подолгу читать стихи и серьезно рассуждать о поэзии, если перед ним был даже один человек. По свидетельству П. И. Лавута, поэт говорил:

— Один мой слушатель — это десять моих читателей в дальнейшем.

История портрета, о котором пойдет речь, является живым подтверждением этих слов.

В 1976 году в музей поступила фотография Маяковского с его автографом. «Хорошей от человека с большой памятью». И далее шутливо-ироническая подпись: «Жгучий красавец Влад. Маяковский».

Нас заинтересовали содержание автографа и его адресат.

«Хорошей» оказалась жительница Саратова Елена Ивановна Белоусова, попутчица Маяковского и его товарищей в поезде, увозившем их после выступления в зале Саратовской консерватории.

Историю случайного знакомства с поэтом Елена Ивановна не раз рассказывала своей внучке, передавшей фотографию в музей.

В ту пору ей было 24 года, она окончила педагогические курсы в Саратове, но во время первой мировой войны работала медсестрой в госпитале (впоследствии стала врачом-педиатром).

В вагоне поезда она сидела, углубившись в чтение, не обращая особенного внимания на соседей по купе. Один из них стал расспрашивать ее о том, что она читает, любит ли поэзию, знает ли стихи Маяковского. Услышав, что не знает, прочитал свои стихи, интересовался, понятны ли они, говорил о поэзии и концертах. Время в пути пролетело незаметно. На прощание он подарил свою фотографию с автографом.

Слова о «большой памяти» появились здесь не случайно. По-видимому, спутницу Маяковского удивило то, как много стихов он знает наизусть.

О феноменальной памяти поэта вспоминают почти все его современники. «В этом отношении,— писал В. Каменский,— он не знал себе равных.

В любой момент и где угодно, на извозчике, в трамвае, на улице, за обедом, за игрой в карты, в гостях, на лестницах, в лифтах — всюду он читал все новые, только что появившиеся в печати стихи... Он без труда запоминал не только нужные ему факты, но и случайно попавшиеся номера телефонов, газетные объявления, адреса каких-то торговых фирм. Стихов же помнил множество».

Эпизод в саратовском поезде, один из многих, характерен для поэта.

Маяковский был личностью настолько незаурядной, что даже для тех, кто встречался с ним хотя бы однажды, эта встреча становилась одним из самых ярких впечатлений в жизни. И, возможно, семейные архивы хранят еще немало реликвий, которые могут дополнить интересными фактами биографию великого поэта.

А. СЕРДИТОВА,
зав. сектором Государственного музея В. В. Маяковского.
Е. ПОГОРЕЛЬСКАЯ,
научный сотрудник Государственного музея В. В. Маяковского.

Николай АСЕЕВ

МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ

(отрывок из поэмы)

<...>Он шел по бульвару,
худой
и плечистый,
возникший откуда-то сразу,
извне,
высокий, как знамя,
взметенное
в чистой
июньской
не сношенной голубизне.
Похожий на рослого
мастерового,
зашедшего в праздник
в богатый квартал,
едва захмелевшего,
чуть озорного,
которому мир
до плеча не хватал.
Черты были крупны,
глаза были ярки,
и темень волос
припадала к лицу,
а руки —
тяжелые,—
будто подарки
ладонями кверху
несли на весу.
Какой-то
гордящийся новой породой,
отмеченный
раньше не бывшей красой,
весь широкоглазый
и широкоротый,
как горы,
умытые нáсвежь росой...
Я глянул:
откуда такие берутся?
Крутой и упругий
с затылка до пят!..
Быть может, с Казбека
или с Эльбруса —
так
тело распластывает водопад?
Тревожный,
насмешливый
и любопытный,
весь нерастворимый
на глаз
и на слух,
он враз отличался —
какой-то
обидной
чертой превосходства
над всем,
что вокруг.

Казалось,
что каждая шутка
и шалость
всерьез задевала
по сердцу —
одним;
другие —
с ним спорили и не соглашались
и все-таки
вслед семенили за ним...
(1936—1939)

Анна АХМАТОВА

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только буйный твой
рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных
лет.
Как в стихах твоих крепчали
звуки,

...И РОЖДАЕТСЯ СНОВА!

Новые роились голоса!...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до сих пор,
То, что разрушал ты, разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен

На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал.
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.

И еще неслыханное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать как боевой сигнал.

(1940)

Марина ЦВЕТАЕВА

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел — тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

(18 сентября 1921 г.)

Ярослав СМЕЛЯКОВ

МАЯКОВСКИЙ

Из поэтовой мастерской,
не теряясь в толпе московской,
шел по улице по Тверской
с толстой палкою Маяковский.

Говорлива и широка,
ровно плещет волна народа
за бортом его пиджака,
словно за бортом парохода.

Высока его высота,
глаз рассерженный смотрит косо,
и зажата в скульптуре рта
грубо смятая папироса.

Всей столице издалека
очень памятна эта лепка:
чисто выбритая щека,
всероссийская эта кепка.

Счастлив я, что его застал
и, стихи заучив до корки,
на его вечерах стоял,
шею вытянув, на галерке.

Площадь зимняя вся в огнях,
дверь подъезда берется с бою,
и милиция на конях
над покачивающейся толпою.

У меня ни копейки нет,
я забыл о монетном звоне,
но рублевый зажат билет —
все богатство мое — в ладони.

Счастлив я, что сквозь зимний дым

после вечера от музея
в отдалении шел за ним,
не по-детски благоговея.

Как ты нужен стране сейчас,
клубу, площади и газетам,
революции трубный бас,
голос истинного поэта!

(1956)

Надежда ПАВЛОВИЧ

МАЯКОВСКИЙ

1

«Море уходит вспять.
Море уходит спать!»
Если долго так повторять,
Увидишь водную гладь.

2

Неторопливо входил он в зал,
Серый снимал пиджак
Под любопытным взором зевак.
И — начинал.
Вспыхивал в зале испуг и смех,—
Точен прицел слов.
Видел и слышал он всех,
Вплоть до последних рядов.
Грозная мощь простертой руки,
Очень внимательный взгляд,
У невеселого рта желваки,
Голоса водопад.
Зал казался мал
Для всего его существа...
Аплодисментов обвал.
Вздыбленная Москва.

. . . . . .

На улицах снежные горы,
Мороз обжигает огнем...
И юные жаркие споры
О Маяковском — о нем!

(1939)

Галактион ТАБИДЗЕ

МАЯКОВСКИЙ

Бессчетны, бесконечны...
Без каштанов
Окрестности... Так это ты, Париж?
Окраины огнем кафешантанов,
От страха озираясь, озаришь.

А Маяковский — разве не в Багдади,
Чьей лирикою светлой светел он?
Заходит солнце. Золотятся пряди.
Заходит солнце. Льется небосклон.

Глаза озер в глаза мои сверкали
Смеющейся, прозрачною водой...
Но где еще река, как Ханис-Цхали,
Нигде я не встречал реки такой!

Там утонуло золото. И целость
Его сохранна вся во глубине.
Взглянул я пристально: оно виднелось,
Сверкающее золото на дне.

...Вдруг свет и цвет — глубинный,
ясный, броский,
Как в той реке... Преобразился весь,
Внезапно озарившийся конгресс
Одним упоминаньем — Маяковский *

(1936)

Перевел с грузинского А. Цыбулевский.

Максим ТАНК

В ПАРИЖЕ

Фонари в тумане сером,
Словно поплавки, маячат.
Кто-то ловит сны-химеры
В этой заводи стоячей.

Мгла бульвар заштриховала —
Зонтики, платаны, лица.
Как фантазия Шагала,
Вся французская столица.

Над мясной дрянной лавчонкой
Скалит конь гнилые зубы.
Ветер взвизгивает тонко
И скрежещет жестью грубой.

Лучший гид со мной. Высокий.
Громогласный и плечистый.
Нержавеющие строки
Я купил у букиниста.

С кем же был я в этот вечер
От двенадцати до часу?
«С Маяковским,— я отвечу.—
Где? Бродил по Монпарнасу».

С ним вино мы вместе пили,
С ним рассвет встречали новый,
И на Эйфелевом шпиле
Стяг зари пылал багрово.

(1963)

Перевел с белорусского Я. Хелемский.

Александр ПРОКОФЬЕВ

СМЕРТЬ ПОЭТА

Я ни капли в песне не заумен,
Уберите синий пистолет!
Командармы и красноармейцы — умер
Чуть ли не единственный поэт!

Я иду в друзьях, и стих заметан.
Он почти готов — толкну скорей,
Чтобы стихари и рифмоплеты
Не кидали сбоку якорей!

Уведите к богу штучки эти.
Это вам не плач пономаря!
Что вы понимаете в поэте
Попросту — короче говоря?

Для чего подсвистыванье в «Лютце»,
Деклараций кислое вино?
Так свистеть во имя Революции
Будет навсегда запрещено!

Никогда эпоха не простит им
Этот с горла сорванный галдеж...

Поднимаю руку на маститых,
Я иду с тобою, молодежь!
Боевая! Нападу на след твой
И уйду от бестолочи той
Принимать законное наследство
Снова до последней запятой.

. . . .

Я ни капли в песне не заумен.
Уберите синий пистолет!
Командармы и красноармейцы — умер
Чуть ли не единственный поэт!

Ни строки кликушам!
В сердце — сразу.
Кто не уследил?
Кого винить?
Умер яростный и вологлазый —
Время настает похоронить.

Пусть разводят следопыты в МУРе
Жидкую, что каша, канитель...
Навсегда поэт глаза зажмурил
И вошел в московскую метель.

До последних дум единокровный —
Песнь неодолимую свою
Кинул в горло весен подмосковных,
Вовсе не похожих на мою...

И, кляня на сумрачном отгуле
Вековую ненависть свинца,
Встань, земля, в почетном карауле
Над последним берегом певца!

(1930)

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

МАЯКОВСКИЙ

Пускай, никаким мастерством не владея,
Считают, что их выручает идея,
И в разных журналах в различные сроки
Печатают лесенкой всякие строки.
Пускай водянистым своим пересказом
Хотят подсластить его гнев и сарказм
И дергать — в свидетельство собственной мощи —
Цитаты поплоше и мысли поплоще.

А он, как и был, остается поэтом,—
Живым, неприкаянным и недопетым,
Не слышит похвал, не участвует в спорах,—
Бездомен, как демон, бездымен, как порох,—
Ни дома, ни дыма, ни думы, ни дамы,
Ни даты, отбитой былыми годами...
Никем не обласкан, никем не освистан,
Не отредактирован, не переиздан.
Но каждое утро, как в первом изданье,
Впервые вперяет глаза в мироздание,
В сумятицу гавани, в давку вокзала,
И снова — как время ему приказало —
Встает на трибуне и требует слова,
И на смерть идет, и рождается снова!

(1962)

* Стихотворение написано в период Международного конгресса в защиту культуры в Париже. Г. Табидзе был членом советской делегации на конгрессе.

Засеяли солдаты поле

Дорогие друзья! Я очень люблю вашу страну, где у меня много друзей. После выхода моей книги и фильма «Четыре танкиста и собака» я до сих пор получаю письма из Советского Союза.

От этой фотографии времен войны (а их осталось немного: не было фотоаппаратов, да и не до того было) веет не пороховым дымом, а запахом свежей земли и хлеба. Может быть, именно поэтому с годами она становится для меня все дороже.

После взятия Колобжега и перед тем, как занять позиции для форсирования Одера, в конце марта — начале апреля 1945 года, Первая армия Войска Польского получила три дня отдыха. Наши оборонительные позиции были расположены вдоль побережья Балтийского моря и в устье Одера. Изредка слышались пулеметные очереди и гул орудийных залпов.

Мы понимали, что войне еще не конец, впереди Берлин, тяжелые бои, что многие из тех, кому посчастливилось уцелеть, погибнут всего в нескольких шагах от моря. И все это для того, чтобы наступил мир.

Стояли первые по-настоящему теплые дни, проглянула свежая, еще несмелая зелень. И вдруг целые полки, бригады, дивизии, опьяненные весенним воздухом, будто обезумели: солдаты начали пахать и сеять. Из опустевших усадеб взяли тракторы, плуги, сеялки, и рядом с окопами, где совсем недавно стояли минометы и орудия, пролегли первые борозды.

В армии мало что делается без приказа, и, возможно, штабы уже готовили соответствующие документы. Потрясал энтузиазм, с каким солдат, измученный боями, часто с еще не зажившей раной, брался за работу. Советская Армия, так же как и наша, состояла в основном из крестьян и рабочих. И неудивительно, что люди, оторванные от мирных занятий, люди, которых гитлеровская агрессия заставила взяться за оружие, с такой радостью вернулись к любимой работе — сеять хлеб.

Я был тогда корреспондентом армейской газеты «Мы победим», кочующей со своей собственной электростанцией, наборным и печатным цехом в прифронтовой полосе. Наше имущество помещалось на грузовиках с прицепами. Я ездил из дивизии в дивизию — и везде пахали и сеяли.

В пятой бригаде тяжелой артиллерии, в моей родной части, меня проводили от 155-миллиметровой гаубицы прямо к трактору.

— Садитесь, гражданин поручик. Может быть, хотя бы два гектара...

Я родился и вырос в Варшаве, но военная судьба забросила меня в кубанские степи, где мне приходилось работать трактористом. Я хотел бы до земли поклониться Земцовым, Павловым и Масловым из станицы Кармалиновка, Лободинову и Мурашкиной из Каменнобродского совхоза, Малыхиным и Николаевской — всем тем советским людям, с которыми познакомился на кубанской земле.

Приняв приглашение артиллеристов, я сел за трактор и начал пахать. В этот момент меня и сфотографировали.

Первая армия Войска Польского вспахала тогда и засеяла 15 тысяч гектаров земли, а части Второго Белорусского фронта — в десять раз больше. Историки, исследующие военный период и занятые главным образом военными операциями, почему-то не упоминают об этом.

Тринадцать лет назад я получил письмо из Одессы от Людмилы Борисовны Горячковской:

Уважаемый товарищ!

Мой отец и мать погибли на фронте. Моих же сыновей последнее время очень интересует судьба их дяди Василия Сильвестровича Головенко, который воевал в Первой армии Войска Польского, то есть вместе с Густликом и Янеком из фильма о четырех танкистах.

Как только на экране появляется какой-нибудь артиллерист, мальчишки сразу же узнают в нем дядю Васю, хотя я и объясняю им, что это только актеры...

Василий командовал батареей в части с номером полевой почты 53335. Вместе с поляками прошел он в боях от Ленино до Одера и 16 апреля 1945 года под Альт Литцегирике погиб. Как называется это место по-польски? Как оно выглядит сейчас? Родители Василия живы и хотели бы знать, как выглядит военное кладбище.

Прошу простить, что отнимаю у вас время.

Л. Б. ГОРЯЧКОВСКАЯ
Научно-исследовательский институт виноградарства.
Одесса.

Я принялся за розыски Василия Головенко. Ориентиром был номер полевой почты. Удалось установить не только номер части — 3-я батарея 19-го полка противотанковой артиллерии, но также и обстоятельства гибели Василия. Поручик Головенко, заменив убитого артиллерийского наводчика, погиб во время боев за предмостные укрепления на Одере. Альт Литцегирике возвращено прежнее название — Старе Лисогурки, а кладбище находится в Сикерках. Все это я сообщил в Одессу. Вместе с благодарностью мне прислали письмо, которое Головенко написал с фронта 5 апреля 1945 года. Оно прекрасно своей простотой и искренностью. И в нем тоже говорится о пахоте и севе. Вот это письмо.

Здравствуйте, дорогая мама! Шлю привет также Анне, Павлину и Лидочке!

Сообщаю, что письмо ваше получил, за что благодарю. Я жив и здоров, все идет у меня хорошо. Желаю всего наилучшего в вашей трудовой жизни и чтобы вы счастливо дождались конца войны. Я сейчас нахожусь на польских землях, которые до того принадлежали Германии. Местного населения — поляков — почти нет, а немцы сбежали. Теперь моим соколикам пришло время вспомнить о мире и подумать о земле. Мы пашем и сеем.

Мои дорогие, никогда я раньше не думал, что так приятно пахать. Ребята мечтают о конце войны, о земле, а некоторые — о науке. Я представляю себе, как вернусь домой и буду учить детей, как первый раз войду в класс. Вы ведь помните, что после окончания педагогического института я не имел возможности провести ни одного урока.

Думаю, не надо объяснять, для кого солдаты так исступленно, в поте лица пахали и сеяли буквально от зари до зари. Не для себя. Для других. Для неизвестных им людей, которые будут жить здесь после войны. Пахали и сеяли солдаты с истинной радостью. Когда человек делает что-либо не для себя и даже не для близких, а просто для людей, для того, чтобы мир стал лучше, это всегда доставляет радость, которую нельзя забыть.

Януш ПШИМАНОВСКИЙ
Варшава.

За рулем трактора — Януш Пшимановский. Апрель 1945 года.

КИРГИЗСКАЯ ССР

НАСЫПЬТЕ... СТАКАНЧИК СОКА

— Какого вам сока насыпать? — спросил доктор химических наук А. Алтымышев.— Шиповника или черной смородины?

— Как это — насыпать? — удивился я.

— А вот так, смотрите.— И ученый всыпал в стакан немного какого-то темного порошка, затем налил туда воды, размешал и подал мне.— Пробуйте.

Я попробовал и ощутил вкус живой смородины. Было полное впечатление, что напиток сделан из ягоды, только что сорванной с куста.

— Великолепно, но что же это такое?

— Натуральный сок,— рассмеялся Алтымышев,— только сделан он способом сухой консервации продуктов, разработанным киргизскими учеными. Дело в том, что существующие ныне способы консервации предусматривают длительную термическую обработку. К сожалению, в процессе стерилизации соки, компоты, фруктовые порошки теряют множество ценных компонентов. Наша технология избавлена от этих недостатков. Вот ее суть. Сначала обычным методом из фруктов или овощей выделяется сок. Затем в емкость с соком вводится так называемый наполнитель, который впитывает в себя, словно губка, сок со всеми его витаминами и полезными микроэлементами. Наконец, в вакуумной камере из этой массы удаляется влага. Остается порошок. Вот и все. Сухие консервы могут храниться несколько лет и не терять при этом питательных и вкусовых качеств, они удобны в транспортировке, из них можно готовить соки разной концентрации... Так скажите, какого сока вам еще насыпать?

Л. ЮРЬЕВ

ГРУЗИНСКАЯ ССР

ПЕЩЕРЫ — ПОД ОХРАНОЙ

Разве не заслуживают наших забот такие удивительные произведения природы, как пещеры, каменные столбы и качающиеся глыбы, ископаемый лес, оригинальные ущелья и каньоны, озера и водопады? Конечно, заслуживают, решил Государственный комитет Грузинской ССР по охране природы и включил их в появившуюся в нынешнем году Красную книгу республики. Этим неорганическим памятникам природы посвящен в ней целый раздел, где описаны 77 объектов.

Среди них знакомая многим, благоустроенная для всеобщего обозрения — посещаемость около миллиона человек в год! — Новоафонская пещера, одна из самых крупных в мире. И Снежная пропасть, куда спелеологи уже спускались на глубину 1335 метров. И сталактито-сталагмитовая, изумительной красоты карстовая пещера Абрскила в Очамчирском районе Абхазии. И расположенная близ Кутаиси тринадцатиярусная система Цуцхватских пещер с признаками дальней-давней жизни там людей каменного века.

А какие гигантские валуны и глыбы, перемещенные некогда мощными ледниками, украшают ныне ландшафты Грузии! На высоте 2300 метров над уровнем моря, в Горной Тушетии, блещет под солнцем минеральное озеро Абано. В Дарьяльском ущелье изумлял некогда еще Пушкина, Лермонтова, декабристов так называемый «ермоловский камень» — гранитный монолит, равного которому по величине нет в Европе. И даже в самом Тбилиси, под Метехским замком, где ныне размещается Молодежный театр, взята под охрану скала, состоящая из конгломератов редкой запутанной слоистости.

«Красная книга», изданная на грузинском языке, иллюстрирована черно-белыми и цветными фотографиями. Остается пожелать, чтоб этот прекрасный труд стал доступен для чтения всем любителям природы Грузии.

Ия МЕСХИ, собкор «Огонька»

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКАЯ АССР

«ЯШКА» ПОМОГАЕТ ХОДИТЬ

Километрах в сорока от Грозного есть небольшой город Гудермес. Жителей в нем меньше, чем в иных микрорайонах Москвы. Но сегодня Гудермес знают не только в Чечено-Ингушетии. Специалисты и туристы из многих стран мира, побывавшие в советском павильоне на Лейпцигской ярмарке, подолгу задерживались возле стройного, симпатичного «Яшки», который прибыл в ГДР из Гудермеса.

«Яшкой» этого симпатичного и услужливого «доктора» прозвали молодые сборщицы Гудермесского завода медицинских инструментов. А официально, во всех каталогах, он называется комплектом компрессионно-дистракционных аппаратов Г. Илизарова и предназначен для закрытого вправления и фиксации сместившегося обломка кости при переломе, для оперативного и бескровного удлинения нижних конечностей и лечения других заболеваний опорно-двигательного аппарата.

Разглядывая «Яшку» в сборочном цехе, я вспомнил, с каким уважением некогда отзывался о будущем аппарате Г. Илизарова Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Вернувшись после лечения из Кургана, где находится Научно-исследовательский институт экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии, руководимый Г. Илизаровым, выдающийся композитор с восхищением говорил: «Представляете, человек, родившийся с конечностью, укороченной до пяти — десяти и более сантиметров, с помощью этого чудо-аппарата обретает нормальную ногу и навсегда избавляется от хромоты». И «Яшка» вскоре действительно доказал всему миру, что это реально даже при использовании бескровных способов лечения.

Сегодня аппараты лауреата Ленинской премии Г. Илизарова, выпускаемые Гудермесским заводом медицинских инструментов, служат человеку во всех уголках нашей страны. Они «командируются» во многие страны социалистического содружества, отправляются на другие континенты. А изготавливают и собирают их славные девушки: чеченки, русские, украинки, ингушки, армянки, осетинки...

— Кроме аппарата Г. Илизарова, наш завод поставляет в медицинские учреждения Советского Союза, а также в клиники и больницы двадцати пяти стран мира около двухсот наименований медицинских инструментов в количестве почти трехсот миллионов единиц,— говорит директор завода С. Казарянц.— В ближайшее время пройдет испытания новая, более усовершенствованная модель аппарата Илизарова, расширится ассортимент и других инструментов.

А нам остается добавить, что из Лейпцига «Яшка» вернулся с золотой медалью и дипломом одной из самых представительных в мире выставок. И это была лучшая награда для всего коллектива Гудермесского завода медицинских инструментов.

В. ЗАСЕЕВ

Фото автора

Их руками создается уникальный аппарат Г. Илизарова. Слева направо: шлифовщица М. Бегиева, сверловщица Х. Бегиева, техник А. Ремизова и полировщица Х. Макеева.

КАЗАХСКАЯ ССР

КРЯКВА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Кряква летела на запад одна-одинешенька, потому что время перелета давно кончилось. Широкие воды Амура остались позади. Крикуша, как ее звали там, где она выросла, уже месяц находилась в пути и не знала, сколько ей лететь еще. Ведь путь на восток она проделала в корзине хозяина, путь из Алма-Аты на Амур. Там Александр Башмаков, алма-атинский охотник, подарил Крикушу своему родственнику, погостил несколько дней и отправился домой. Крикуша возмутилась. Она думала, что они вместе будут охотиться на этой незнакомой реке (она была подсадной уткой). Разве не служила она ему верой и правдой целых семь лет, часто рискуя жизнью? Разве не он называл ее всякими ласковыми словами? Тревожно крякая, она прождала его целый день, но хозяин так и не явился, и тогда она взмыла в воздух и полетела на запад. Она не знала точного пути, но сердце подсказывало ей нужное направление. Где-то там находились милые ей отроги Тянь-Шаня, теплые озера и уютный дворик — ее дом. Она летела с рассвета до заката, только в сумерках опускаясь на какое-нибудь озеро, чтобы подкормиться. Однажды перед ней раскинулась такая синь воды, что ей показалось: это небо опрокинулось на землю. Там плавало множество других уток, которые тотчас окружили незнакомку. От них она узнала, что озеро, похожее на море, зовется Байкалом. Ее уговаривали остаться. «Тут хорошо,— соглашалась она,— но дома лучше. Видели бы вы мой дворик...» И снова она летела на запад. Уже начинались казахские степи. «Надо поворачивать к югу,— подумала Крикуша,— дом уже близко». Сердце ее не обмануло. Через два месяца после старта, преодолев семь тысяч километров, кряква опустилась в родном дворе...

— Удивительная преданность дикой утки человеку — чрезвычайно интересный для зоопсихологии случай,— сказал, узнав об этой истории, известный натуралист и писатель Максим Зверев,— и мы хотим вместе с Башмаковым продолжить эксперимент. Отвезем теперь Крикушу на запад летом, когда в нашей стране запрещена охота на водоплавающих. На ее пути будут и поймы рек и озера, где много корма. Посмотрим, что получится...

Ну, что же, подождем и мы.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

творческий коллектив и личность

ПРАВО НА ДОВЕРИЕ

Ирина ПИРОГОВА

Четыре года тому назад мне довелось присутствовать на партийном собрании в русском театре Карельской АССР. Кандидатом в члены партии принимали тогда главного режиссера театра русской драмы Отара Джангишерашвили. Знаменателен был не только сам факт приема, но и позиция коммунистов этой организации, еще совсем недавно разобщенных интригами и распрями, которые умело разжигались отдельными «энтузиастами», «съевшими» перед этим другого способного, творческого руководителя. Я могла бы многое рассказать о тех тяжелых временах для русского и музыкального театров Карелии, находящихся под одной крышей и испытывавших одинаковое «стрессовое» состояние, так как в качестве специального корреспондента «Советской культуры» занималась разбором коллективных актерских жалоб. Но лучше я приведу выступление на том партийном собрании ветерана театра — актрисы А. Оленевой:

— Отар Иванович пришел к нам в такой обстановке, когда вообще казалось невозможным взять в руки коллектив. Он в буквальном смысле затратил на это два года своей жизни. В него верят не только как в художника, но и как в хорошего человека, на которого можно положиться, слову которого можно доверять.

Приняли Отара Ивановича кандидатом в члены партии единогласно. Потом он стал коммунистом.

Мне показалось особенно важным начать рассказ о русском драматическом театре Карельской АССР именно с этого эпизода. В недавнем постановлении ЦК КПСС «О работе партийной организации Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы» особенно подчеркивается необходимость единства партийных, художественных и нравственных критериев театра. Важно, чтобы главный режиссер и по творческим и по гражданским позициям был личностью, лидером в коллективе. Тогда, шесть лет назад, после всех внутренних конфликтов в театре ощущалась острейшая нужда в человеке, который соединил бы в себе высокие творческие и человеческие качества. Отар Джангишерашвили — человек прямой, подчас излишне резкий, бескомпромиссный даже в мелочах. Никто, находясь рядом с ним, не может рассчитывать на состояние умиротворения, безмятежного довольства собой. Петрозаводский драматический был первый целиком доверенный ему коллектив после Высших режиссерских курсов и двухлетней стажировки у Б. Равенских. И, занимаясь воспитанием единомышленников, которые смогли бы осуществить его замыслы, Джангишерашвили в первую очередь воспитывал себя самого, что-то в себе ломая, что-то приобретая.

Вот так и создавался творческий коллектив, которому нынче доверено почетное право гастролировать в Москве, на сцене театра имени Евг. Вахтангова.

Предыдущая встреча была три года назад, когда театр показывал в столице спектакль «Две жизни», посвященный 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и шестидесятилетию Карельской АССР. Это была инсценировка романа карельского писателя А. Линевского «Беломорье». До сих пор свежо в памяти увиденное — яркое и объемное сценическое полотно, проникнутое народным духом, выразительно и драматично рассказавшее о победе Советской власти на Беломорье.

В этот раз в Москву театр привез другое свое программное произведение, спектакль «Встань рядом со мной» по роману Ф. Гладкова «Цемент», посвященный XXVI съезду КПСС, задуманный как волнующий разговор о верности ленинским идеалам, о силе и чистоте чувств нашего современника. Ибо у О. Джангишерашвили и талантливых молодых актеров Е. Золотарева (Глеб Чумалов), Н. Леденевой и Л. Матасовой (Даша Чумалова) чувство времени стремится «выплеснуться» из календарных рамок, воплотиться в энергию духа революции, романтическую героику, слитность со своим народом, и именно это делает сегодня героев спектакля живыми, узнаваемыми, а их дело, борьбу и чувства такими близкими нам.

Коллектив театра в своем стремлении донести до нас глубины и богатства души советского человека, доказать их неизбывную ценность, устанавливает связь времен от трагических дней ленинградской блокады («Высшая мера» В. Арро) и напряженных будней фронтового братства («Сын полка» В. Катаева) до первых послевоенных строек-гигантов, где человек строил прежде всего самого себя — «Иркутская история» А. Арбузова, которую увидят москвичи.

Спектакль, поставленный главным режиссером театра, решен как яркое, современное по форме сценическое повествование о молодых строителях Сибири. Режиссер сумел по-своему прочитать известную пьесу А. Арбузова, созданную в шестидесятых годах, наполнил ее приметами и дыханием сегодняшнего дня.

Постановка примечательна интересным, свежим актерским ансамблем. Работу Л. Матасовой (Валька), А. Таза (Сергей), А. Кулиева (Виктор) отличает четкость психологического рисунка, проникновенность, внутренняя значительность. По сути своей спектакль дает нам коллективный портрет нашего молодого современника.

В двадцатый век бродивших по дорогам среди пожаров к мысли привело: легко быть зверем, и легко быть богом; быть человеком — это тяжело, писал поэт.

О том, как трудно, но необходимо оставаться человеком в самых сложных жизненных обстоятельствах, когда тебя испытывает на прочность не только острый конфликт, но и искушение успеха, высокого положения,— необходимость оставаться в мирное время бойцом, как бы ни был коварен и замаскирован враг, рассказывает «роман для театра» — так обозначен жанр спектакля — «Закон вечности» Н. Думбадзе. Суровый, философски насыщенный колорит спектакля (сценография Т. Мурванидзе), благородная выразительность национальной символики, в атмосфере которой развертываются события, непростая, часто драматичная, духовная связь, в которой состоят герои спектакля, активно приобщают нас к поискам высокого человеческого идеала в этом неспокойном двадцатом веке. Авторы спектакля не боятся, не избегают самых острых, самых болезненных проблем, но цель — не копаться в них, не смаковать, а показать, что высшая гармония духа и материи — не отсутствие испытаний, колебаний, мучительных ошибок, а стремление преодолеть их ради главного дела своей жизни.

Вот почему споры о смысле бытия Бачаны (А. Таза) и отца Иорама (народный артист РСФСР К. Пилипенко) по своей страстности в поисках истины, искренности и человечности напоминают нам знаменитую полемику академика Дронова — Николая Черкасова со своим умным оппонентом — священнослужителем. Именно в такой обостренной ситуации мы видим перед собой настоящего коммуниста — убежденного, идейно стойкого и одновременно душевно чуткого человека, чье сердце болит болями своего народа, своей страны, а дух остается несгибаемым.

Несомненен тот факт, что театр испытывает непреходящий интерес к большой советской литературе. Это принципиальная точка зрения.

— Современная драматургия, к сожалению, не всегда дает возможность воплотить цельные, глубоко партийные характеры на материале имеющихся пьес,— говорит главный режиссер.— На это еще раз с предельной ясностью указывают нам документы июньского Пленума ЦК КПСС (1983 г.) по идеологическим вопросам. Поэтому театр вынужден порой брать на себя чрезвычайно трудную миссию приспособления масштабных произведений прозы для сцены. По моему глубокому убеждению, вести партийный страстный диалог на той высоте, которая сегодня необходима, могут лишь герои-личности, настоящие коммунисты.

...Ставя пьесу И. Жамиака «Месье Амилькар», О. Джангишерашвили стремился не только раз-

Сцена из спектакля «Встань рядом со мной» («Цемент»). **Фото Н. Корпусенко.**

венчать общество «бессердечного чистогана», но и усилить нравственно-гуманистическое звучание драматургии, показав трагичность одиночества, оборванных связей с людьми и невозможность их восстановления без собственных душевных усилий, без веры в тех людей, чувства которых адресованы тебе. Без этого все иллюзии любви, дружбы, родственных отношений, купленные за деньги, разрушаясь, безжалостно мстят их создателю.

Главный герой спектакля Амилькар в исполнении К. Пилипенко предстает перед нами персонажем как бы «двойной проекции». С одной, так сказать, общественно-политической стороны, он, безусловно, «маленький» человек, до которого нет дела обществу; он одинок, он порвал свои связи с близкими и друзьями (или они с ним) именно оттого, что в их глазах не достиг той «точки» преуспевания, когда с человеком в буржуазном обществе начинают считаться. С другой стороны, К. Пилипенко рисует нам человека, несомненно, незаурядного, живущего в постоянном душевном напряжении, споре с самим собой, способного при желании на проникновенность, доброту, на то, чтобы вызвать к себе ответные добрые чувства.

Самые тонкие нюансы сложности и противоречивости характера Амилькара, заведенного в тупик своей убежденностью, что можно купить чужие чувства и обойтись этой иллюзией, но отчаянно тоскующего по искреннему отношению к себе, К. Пилипенко передает убедительно и страстно. Эта работа — свидетельство несомненного и интенсивного творческого роста одаренного, опытного актера.

Умение создавать ансамбль, способный увлеченно работать в единой стилистике, тональности, стремиться к постижению выдвинутой сверхзадачи — отличительная черта О. Джангишерашвили-режиссера. Характерна она и для «Амількара». Спектакль решен как трагифарс, и это потребовало от актеров максимальной эмоциональной широты, точности и достоверности в проявлении полярных чувств и интонаций. Тем отраднее заметить, что решается эта задача не столько внешне — хотя экспансивность и своеобразие французского характера очерчены довольно точно,— сколько за счет внутренних актерских ресурсов.

В гастрольной афише спектаклей — чеховский «Дядя Ваня», светлая грусть и тонкость чувств которого свидетельствуют о трепетном уважении театра и постановщика к великому русскому писателю. Но этот спектакль заслуживает отдельного разговора, и хочется верить, что столичная критика не оставит его без внимания. Представлена также остро-гротесковая, сатирическая, забавная и очень музыкальная комедия Б. Нушича «Госпожа министерша».

Конечно, не исключаются оценки разные, полемичные, справедливые замечания, но в одном можно быть уверенным: Петрозаводский русский драматический — с недавнего времени ордена «Знак Почета» — театр, несомненно, отличается «лица необщим выраженьем», радует своей творческой и идейной позицией.

Марина Семенова в роли Панночки («Тарас Бульба» В. Соловьева-Седого).

Волшебная танцовщица

День выпускного спектакля класса А. Я. Вагановой — 12 апреля 1925 года — стал днем первого успеха любимой ученицы Агриппины Яковлевны,— шестнадцатилетней Марины Семеновой. Задолго до выпуска ее называли «Тальони XX века», отныне историки балета именуют ее «первой советской балериной»!

А между тем этот блистательный день, ставший крупным театральным событием, случился в годы, для балета не самые благоприятные; в это время под сомнение ставилась сама необходимость, нужность революционному народу, новому, пролетарскому зрителю классического балета вообще; даже таких шедевров, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда»... И вдруг Ваганова выпускным спектаклем назначает давно забытый балет «Ручей», разнохарактерные танцы которого позволяли всесторонне продемонстрировать техническую выучку класса и особенно «блеснуть» ясной чистотой и беспредельной техникой танца Марины Семеновой.

Такого триумфа выпускницы балетная сцена не знала. «Театр снова узрел в своих стенах восторг зрительного зала, столь же шумный, взволнованный, как во времена Анны Павловой» — так отозвался один из корреспондентов после спектакля о юной дебютантке.

В тоне многочисленных рецензий, в высказываниях специалистов не было ноток снисходительности к юным годам ученицы, в чьем танце сразу заявил о себе новый исполнительский стиль. Строгий академизм формы, редкая, удивительная красота движений, истинно русская распевность танца Марины Семеновой находили отклик в душах людей, даже далеких от балета. И еще было в ее искусстве то неуловимое, что остается за границами анализа: сценическое обаяние, действовавшее безотказно и неотразимо... Стефан Цвейг, видевший в Ленинграде Семенову, назвал ее новой волшебной танцовщицей, дарованной России.

Ради такого таланта стоило нарушить вековую традицию, и Марину Семенову приняли в театр сразу на положение ведущей балерины. Меньше чем через год она уже танцевала Одетту—Одиллию в «Лебедином озере». Высокое искусство исполнительницы впрямь даровало новую славу, новую традицию этой партии.

Никакой обреченности, душевного надлома не было в Одетте, гордой и нежной, женственной и сильной, как Царевна-Лебедь русских сказок. Впрочем, несмотря на огромный успех юной Семеновой в «Лебедином озере», Ваганова считала, что Одетта станет глубже со временем, когда придет к балерине сценический и жизненный опыт. И не ошиблась. Много лет спустя Алексей Толстой отнес этот образ к величайшим духовным ценностям советского народа. «Я смотрел в Большом театре балет «Лебединое озеро»,— танцевала Марина Семенова. Театральный зал гремел, кричал, неистовствовал — так возвышенно прекрасно, так совершенно было русское искусство. Чайковский и Семенова создали в этот вечер национальный праздник торжества красоты. Мы все, весь зал чувствовали,—да, мы умеем танцевать, наша воля создает великие армии и совершенную красоту... Мы раскрываем глубочайшие тайны лирического искусства...»

Тема чистой души и женской гордости созвучна другим созданиям балерины: трагической Никии в «Баядерке», поэтичной Авроре в «Спящей красавице», величавой Раймонде...

Марина Семенова хороша была и в современных балетах. В роли Дианы Мирейль в «Пламени Парижа» она словно ожившая статуэтка севрского фарфора, но какой героический дух, какая страстная одержимость и энергия таились в этой изящной придворной актрисе, которой суждено было стать во главе восставшего народа!

Когда Семенова танцевала Панночку в «Тарасе Бульбе», многие плакали... А в «Барышне-крестьянке» балерина обнаруживала редкий комедийный дар. Среди ее работ и прекрасная Золушка, и Мирандолина...

Только четыре сезона танцевала она на ленинградской сцене; ее жизнь связана с Большим театром. Сейчас педагог и балетмейстер-репетитор Большого, народная артистка СССР Марина Тимофеевна Семенова ведет занятия по методике классического танца и со студентами ГИТИСа имени Луначарского.

...Красота и поэзия классического танца Марины Семеновой ныне воскресают в творчестве ее учениц — Марины Кондратьевой, Нины Сорокиной, Надежды Павловой...

Галина ГОГОТИШВИЛИ

ПРОГУЛКА

Борис ЛАСКИН

Рисунок Е. ШУКАЕВА

РАССКАЗ

Не помню, рассказывал ли я, как иной раз подводит меня моя близорукость. Бывает, например, что я не сразу узнаю человека, давно и хорошо мне знакомого. В подобных случаях меня терзает застенчивость, больше свойственная чеховской гимназистке, чем ученому мужу.

Нынешней весной попал я в небольшой приволжский город, куда был приглашен на отчетную выставку произведений молодых живописцев.

Поезд пришел в пятницу утром. Встретил меня представитель местного отделения Союза художников на голубом «Москвиче», но от машины я отказался, потому что люблю иногда потрудиться в пешеходном жанре.

Вернисаж был назначен на субботу, и у меня оставался день для знакомства с городом, где никогда раньше не бывал.

Заказанный для меня номер в гостинице оказался на четвертом этаже. Я бодро заявил, что это не имеет значения, тем более что покорение высоты в известном смысле возвышает человека. Однако женщина-администратор сказала:

— Уважаемый товарищ профессор! Человек вы уже немолодой. Отдохните, пожалуйста, в холле, а я постараюсь все же избавить вас от покорения высоты.

Отойдя в сторонку, я сел в кресло и увидел: решительно махнув рукой, женщина сняла телефонную трубку.

Спустя несколько минут мы поднялись на второй этаж и очутились в большом номере, в так называемом полулюксе.

Мужчина примерно моих лет, стоя перед телевизором, утюжил щеки электробритвой.

— Георгий Иванович, еще раз доброе утро. Мы к вам,— сказала женщина.

— Доброе утро. Прошу.— Владелец номера выключил электробритву.— Выходит, нашего полку прибыло.

На лице у женщины появилась виноватая улыбка.

— Я потому к вам профессора привела, что вы, Георгий Иванович, к большому сожалению, сегодня от нас уезжаете. Вот решила вас, как говорится, временно уплотнить...

— Ну и правильно.— Он протянул мне руку.— Будем знакомы. Гуров я.

— А я Зелинский.

— Очень приятно. Я на той кровати спал, что слева.

— Да вы не беспокойтесь, Георгий Иванович. Мы полностью белье сменим, все сделаем в лучшем виде. Вы нас прямо выручили, большое вам спасибо.

В тоне женщины чувствовалось желание как-то оправдаться за вторжение в еще не освободившийся номер.

— За что спасибо? — улыбнулся Гуров.— Не вы у меня, я у вас в гостях... Так что располагайтесь, товарищ Зелинский. Снимайте пиджак, там в шкафу вешалки имеются. Одним словом, будьте как дома.

— Желаю приятного отдыха,— сказала хозяйка гостиницы и удалилась.

Я снял пиджак, повесил его в шкаф на вешалку, а Гуров стал опять смотреть телевизор.

— «Клуб путешественников». Очень интересуюсь этой передачей. И Юрий Александрович Сенкевич мне нравится. Много человек и полетал и поплавал...

Слушая Гурова, я подумал: видит, что испытываю неловкость из-за того, что пришлось к нему подселиться, и теперь, желая смягчить обстановку, сам завел отвлеченный разговор, понимая, что пауза в данной ситуации была бы мне неприятна.

— Вы сами кто будете по профессии? — спросил Гуров.

— Я искусствовед.

— И плюс к тому профессор. Правильно?

— Откуда вы знаете?

— Было сообщение.

— Неужели? По телевидению или по радио?

Гуров дружелюбно улыбнулся.

— По телефону. Администраторша сообщила.

— Я уже догадался. А вы по специальности?

— Молодежь учу уму-разуму.

— Педагог?

— Можно считать, что и так. В ПТУ работаю, мастер-наставник.

«Важная, но не такая уж и престижная профессия,— подумал я,— однако с каким уважением, как почтительно говорила с ним женщина-администратор. Жил бы в номере популярный киноартист, летчик-космонавт, еще кто-нибудь в этом роде. А тут мастер-наставник из ПТУ...»

Я не стану подробно описывать город, скажу только, что во многом он сохранил свой первозданный облик. Согласитесь, это достойно похвалы, когда люди, проявив зоркость и уважение к истории, стараются сберечь для будущих поколений вечно живые, не вянущие с годами цветы прошлого.

Во время прогулки я вспомнил хозяйку гостиницы, ее приветливую улыбку и мягкость и пришел к выводу, что этот стиль человеческих отношений в какой-то мере отражает периферийные нравы — сердечную теплоту, желание пойти навстречу и ненавязчивую и чуть старомодную деликатность.

В тот день я неоднократно убеждался в своей правоте.

Нарядное здание — памятник русского ампира — стало в городе краеведческим музеем. Его директор, едва меня увидев, выразил готовность быть моим гидом. Наш маршрут начался с громадных фотографий дома, в котором мы находились. Одна запечатлела его разрушенным в годы войны; на другой, возрожденный трудом умельцев, дом вновь красовался во всем своем великолепии. Директор, человек деятельный и увлеченный, мне все показывал, рассказывал, и его негромкое повествование содержало как бы между прочим отдельные претензии в адрес городского отдела культуры.

Когда мы уже расставались, он с подкупающей искренностью произнес:

— Я очень доволен, что вы нашли возможность зайти к нам. Хочу надеяться, что ваш визит не останется без последствий и местные организации будут уделять нам побольше внимания.

— Мои возможности в этом смысле не так уж велики,— сказал я директору.

— Скромность — украшение мужчины,— улыбнулся он в ответ и пожелал мне успехов в труде и в личной жизни.

И тогда я подумал: еще отличают жителей города душевная простота и наивная вера в могущество человека со стороны. Если бы старик знал о моей причастности к искусству, не было бы ничего удивительного в том, что он решил лично познакомить меня с музеем и доверительно поведать о его заботах и проблемах.

Нечто похожее произошло в книжном магазине.

Там я задержался у стенда с книжными новинками. Ко мне подошли две продавщицы и строгого вида женщина в очках — заведующая. Все они с интересом смотрели на меня, и заведующая после недолгой паузы сказала:

— Извините. Добрый день. У

меня к вам всего несколько слов... Сами можете убедиться — не так мы богаты новинками. Ах, как было бы чудесно, если бы вы, именно вы со всей остротой поставили вопрос в соответствующих инстанциях как раз по этому поводу. Вам-то я могу это сказать абсолютно откровенно: мы испытываем самый настоящий книжный голод. Так мало получаем новинок.

— И лимитами на подписные издания тоже нас не балуют,— пожаловалась молоденькая продавщица.

— Вот даже вы,— включилась другая,— даже вы скорей всего уйдете от нас без покупки.

— В первом магазине положение получше,— вставила заведующая,— а у нас...

Она развела руками, и на лице ее возникла такая же точно виноватая улыбка, как у женщины — администратора гостиницы.

— Раз вы столько внимания уделили моей скромной персоне...

Сказанное мною почему-то вызвало у всех троих сдержанный смех.

Я повторил:

— Раз вы столько внимания уделили моей скромной персоне, хочу спросить, нет ли у вас новой монографии «Дейнека»?.. Качаете головой — нет. А если бы и была, я бы не решился обделить местного поклонника Александра Дейнеки.

Продавщицы многозначительно переглянулись, а заведующая сказала:

— Так бы вы поступили потому, что вы государственный человек. Не зря вам оказали высокое доверие.

Тут, по правде сказать, я не понял, к чему они клонят.

— Вы имеете в виду то, что меня командировали в ваш город?..

Заведующая нежно коснулась моего плеча:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Надеемся, что после того, как вы посетили наш магазин, рано или поздно произойдет чудо и мы окажемся победителями в соцсоревновании. Большое спасибо, что вы к нам заглянули.

Обобщенный образ жителя города обретал тем временем новые черты. К тому, что я сказал раньше, можно было добавить горячую преданность делу, подлинный энтузиазм — понятие, которое мы иногда скромно заменяем словом «сознательность».

Последняя мысль окончательно сложилась у меня в кафе «Утес». Пока я там сидел на открытой веранде и любовался заволжскими далями, официантка постелила на мой столик свежую скатерть. Другая, радостно улыбаясь, принесла запотевший кувшин фирменного напитка, а мороженое, к моему удивлению, подал мне облаченный в белоснежную куртку молодой человек с несколько напряженным выражением лица.

— Угощайтесь на здоровье,— сказал он не без пафоса.— Если посетители довольны ассортиментом и обслуживанием, у меня здесь внутри праздник.— Он ткнул себя пальцем в область сердца и бокового кармана.— Наше кафе «Утес» на сегодняшний день и план дает и всегда вперед стремится. Вот так.

— Это очень хорошо,— сказал я и не мог не заметить, что моя краткая оценка деятельности кафе вызвала у обладателя белой куртки большое моральное удовлетворение. Об этом можно было судить по тому, какая ликующая улыбка осветила его лицо.

Примерно через полчасика я возвратился в гостиницу.

У подъезда стояла женщина-администратор. Оглядываясь по сторонам и нервно сплетая пальцы, она, вероятно, ждала кого-то и вдруг бросилась мне навстречу. Можно было подумать, что ее до крайности встревожило не такое уж мое долгое отсутствие, и теперь, убедившись, что я жив и здоров, она успокоилась.

Через несколько секунд она обронила фразу, смысл которой стал мне понятен поздней.

— Так оно и есть!.. Ведь это надо же!

— Что случилось? — полюбопытствовал я.

— Будьте настолько добры, пройдемте в номер. Если можно, побыстрей.

По всем признакам, пока меня не было, в гостинице что-то произошло.

— Меня кто-нибудь ждет? — спросил я.

Она замедлила шаг.

— Вас ожидает в номере депутат Верховного Совета.

Я удивился.

— Вот как?.. Приятно слышать. Но почему вы по этому поводу так волнуетесь?

— Сейчас узнаете,— ответила она.

В номер мы вошли вместе.

Гуров в светлых брюках, в белой тенниске без пиджака стоял у открытого окна. Полагаю, что он видел, какая мне у подъезда была только что оказана встреча.

— Так и есть, Георгий Иванович,— повторила свою загадочную фразу женщина.

Гуров же в ответ почему-то засмеялся, потом спросил:

— Как погуляли, профессор?

— Отлично погулял. Город хороший и люди. Огромное получил удовольствие.

— Это самое главное,— отметил Гуров.

Затем он не торопясь подошел к шкафу и снял с вешалки пиджак.

— По-моему, ваш. Размер пятьдесят, рост третий. Точно?..

Я разглядывал пиджак так внимательно, словно это было не стандартное швейное изделие, а средневековый камзол.

— Минуточку,— прошептал я,— минуточку...

— Я в буфет отлучился,— пояснил Гуров,— а вы, видно, сильно торопились выйти погулять и мой пиджак надели...

— Что?..— Я был в легком смятении.— Что вы говорите?..

— Размер у нас один и цвет серый. Ходовой цвет.

— Георгий Иванович, прошу извинить. Даю вам слово. Я ведь это не нарочно...

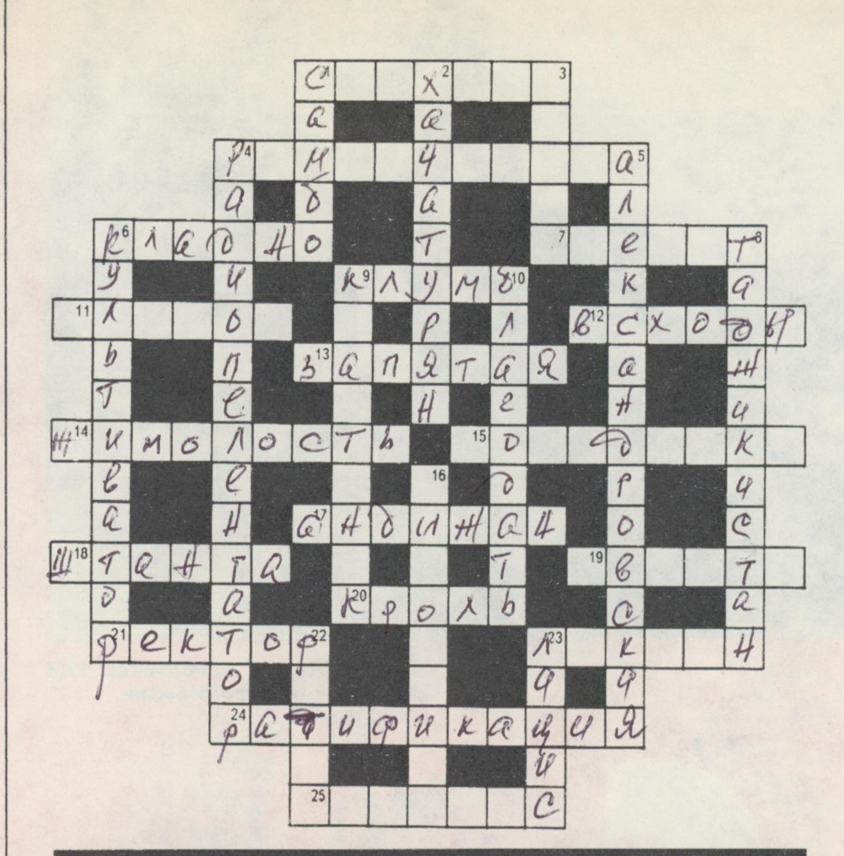
— Верю.

В полной тишине я снял с себя пиджак и, бережно передавая его Гурову, успел разглядеть на лацкане этого пиджака знакомый каждому значок депутата Верховного Совета Союза ССР.

Мы, улыбаясь, молча стояли друг против друга, теперь уже в своих пиджаках — размер пятидесятый, цвет серый, самый ходовой.

А хозяйка гостиницы кинула взгляд на ручные часы.

— Товарищи дорогие,— мягко сказала она,— раз у вас все в порядке, я пошла, меня работа ждет.



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Картина художника-передвижника И. С. Остроухова. 4. Область филологии. 6. Город в Чехословакии. 7. Горная порода, декоративный и строительный камень. 9. Декоративная деталь в виде стилизованных листьев, цветов. 11. Растительное волокно. 12. Ростки семян. 13. Знак препинания. 14. Южный ягодный кустарник. 15. Стихотворение А. К. Толстого. 17. Областной центр в Узбекистане. 18. Спортивный снаряд в тяжелой атлетике. 19. Первая струна на скрипке. 20. Способ спортивного плавания. 21. Руководитель вуза. 23. Река на юго-востоке Австралии. 24. Утверждение верховным органом государственной власти международного договора. 25. Северное созвездие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вид спортивной борьбы. 2. Армянский композитор, народный артист СССР. 3. Поделочный камень, разновидность агата. 4. Приемное устройство для определения направления одного из видов сигналов. 5. Белорусская певица, народная артистка СССР. 6. Сельскохозяйственное орудие для рыхления почвы. 8. Союзная советская республика. 9. Лесная птица. 10. Гора на Урале. 16. Герой сказки Д. Родари. 22. Советский график, карикатурист. 23. Народный писатель Латвии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Баскунчак. 6. Полковник. 8. Ворошиловград. 10. Бирка. 11. Тюбик. 12. Ботаник. 15. Кремер. 16. Бревно. 17. Станина. 18. Атрато. 19. Лаплас. 21. Арбалет. 24. Ольха. 26. Буква. 27. Крушельницкий. 28. Генератор. 29. Верейский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Нахлебник». 2. Пиццикато. 4. Нерча. 5. Климат. 6. Протон. 7. Карат. 8. Верхнеуральск. 9. Добровольский. 12. Барсова. 13. Ахунова. 14. Кобальт. 18. Авторитет. 20. Сепарация. 22. Бойлер. 23. Леонов. 25. Акула. 26. Букле.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владимир Маяковский и плакат «Окна РОСТА», выполненный поэтом. Композиция И. Лидина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник В. В. Маяковскому в г. Пушкине Московской обл. * Старая липовая аллея помнит поэта * Традиционный праздник поэзии Маяковского в г. Пушкине, где он в 20-е годы жил летом * Здесь была знаменитая Акулова гора * Анна Ивановна Антонова (с цветами) среди краеведов — исследователей жизни Маяковского в Пушкине. (См. в номере материал «На Акуловой горе».)

Фото С. Сафоновой.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 27.06.83. Подписано к печати 12.07.83. А 06139. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 832 000 экз. Изд. № 1655. Заказ № 831.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В. Маяковский и А. Родченко. 1924 год. Фрагмент фотографии.

Содружество мастеров

— Кто для меня Родченко? — спрашивал Михаил Светлов и тут же отвечал: — Это — непотерянная молодость. Это — постоянное возбуждение, это — беспокойный Маяковский... Как только я забуду Родченко, я пойму, что наступила старость. Родченко для меня всегда стоит рядом с Маяковским...

Вот они на фотографии — рядом, плечом к плечу: широко улыбающийся, весь раскрытый Александр Михайлович и прячущий улыбку в уголках губ, косящий взглядом на своего друга Владимир Владимирович. Это фрагмент фотоснимка, сделанного Родченко перед отъездом поэта в Берлин в 1924 году. «Я как начинающий фотограф, — вспоминал позднее Александр Михайлович, — пришел с аппаратом 9×12 — «Универсалка», с объективом Бертио — 6,3, пластинки. Конечно, расставил группу — Маяковский, Лавинский, Гринкруг, Шкловский, Левидов, Асеев, Левин, Кольцов. Поставил стул на стол и в пепельницу насыпал магния. Свет потушили, на спичку навел фокус. Все сидят в темноте. Зажег ленту магния и сам встал около Маяковского. Пока горела лента, Володя говорит: «А ты не взорвешь дом?» Раздался страшный звук, и снимок готов. Комната полна дыма, открываются окна...»

Снимок, выполненный Родченко, сохранил теплоту и дружеское участие к деятельности Маяковского: поэт уезжает в зарубежную поездку, и друзья провожают его в дальний путь.

Но лучшие снимки великого поэта сделаны А. Родченко у него на квартире на Кировской (б. Мясницкой) улице. Вот один из них, известный многим: Маяковский обыденный, простой, выразительное лицо, непринужденная поза — пришел, уселся на стул. В наружном кармане — карандаш и авторучка, рабочие инструменты всегда наготове. Поэт задумчив, сосредоточен.

Да, здесь, в этой квартире, кипела работа Родченко и Маяковского. Здесь рождались и воплощались в жизнь идеи совместной работы, здесь создавались плакаты, афиши, реклама, здесь готовились к выпуску книги Маяковского, здесь велись жаркие дискуссии о путях и принципах революционной агитации, о пропаганде советского образа жизни.

«Дом высокий, дворик узкий, круты внутри лестницы, лестницы нашей тогдашней судьбы, — вспоминает В. Шкловский, — преодолевающей прошлое. По этим лестницам подымались Маяковский, Асеев. Двери, выходящие на лестницу, были исписаны стихами, репликами и заметками людей, которые пришли, поднялись на восьмой этаж и не застали хозяина».

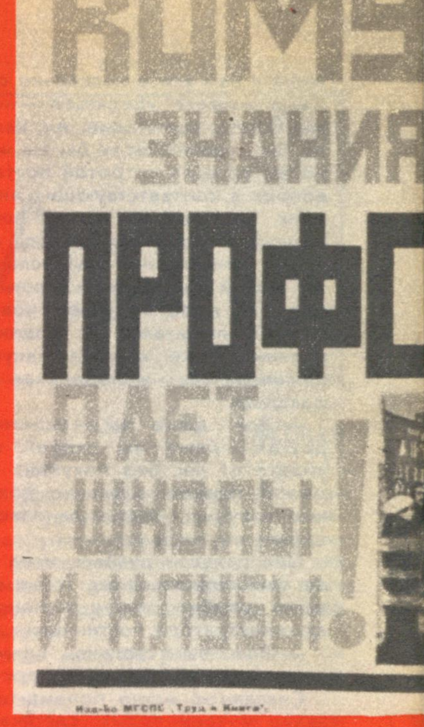
А вот как описывал этот дом, эту квартиру поэт Н. Асеев в заметке «С девятого этажа», опубликованной в газете «Вечерняя Москва» 11 августа 1928 года: «В одном из корпусов — на самой вышке — живет художник, сумевший и свой глаз, и свое чутье к форме, к объему, к композиции перенести из средневековья в современье. Он просто переменил материал сообразно изменившейся технике. Вместо холста взял пластинки, вместо красок и кисти — солнце и светотень... Высоко... живет подлинный художник современья — А. М. Родченко, — с девятого этажа наблюдающий и фиксирующий движение и жизнь нового дома и нового мира».

Подлинный художник современья... Маяковский дорожил своей дружбой и работой с Родченко. По вторжению в современную действительность, по отображению ее разными формами искусства, словом и кистью, они в чем-то были вровень. Трудно представить себе Москву двадцатых годов без стихов Маяковского и плакатов Родченко, вспоминают современники. Их совместные вещи прочно вписывались в городской пейзаж, отражали дерзновенно обновляющийся быт и перспективу новой жизни. Рекламы и плакаты, емкие и выразительные, славили «Моссельпром», различные фирмы, фабрики и предприятия столицы. Кто и сегодня не знает самой знаменитой агитки двух авторов: «Нигде кроме как в Моссельпроме». Сотни, тысячи совместных произведений: плакатов, афиш (кстати, многие из них были впервые опубликованы в «Огоньке», а был и плакат с таким текстом Маяковского: «Беги со всех ног покупать «Огонек!»), всевозможной рекламы, книг, архитектурных конструкций, фотоснимков. А напряженная работа в журналах, которые редактировал Маяковский и иллюстрировал, конструировал Родченко?! Поэт помогал Родченко во всем: он по-хорошему вторгался в его творческие планы, в его фантазию, в его восприятие нового, передового. Родченко занялся фотографией, и Маяковский привозит ему из-за границы оптику, бумагу, издания с произведениями знаменитых фотомастеров. Н. Асеев говорил о том, что никому, кроме Родченко, Маяковский не доверял оформления своего детища — журнала. Никому он не давал снимать себя так, как Родченко. Их дружба была дружбой мастеров своего дела, дополняющих друг друга, опирающихся друг на друга.

В только что изданной «Советским художником» книге «А. М. Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма» помещены воспоминания Александра Михайловича о начале работы с Маяковским по рекламе и пропаганде. «Как-то вечером мы сидели на Тверском бульваре в павильоне — Володя, Асеев и я. Они стали смеяться над... стихами «Добролета», зная, что я делал этот плакат, и предполагая, что эти стихи какого-нибудь плохого поэта. Я обиделся и стал их ругать за то, что они не пишут текста к рекламам, а что этот стих мой и получился он случайно, я просто сократил и переставил данный мне текст. Он был такой: «Тот не гражданин СССР, кто не состоит акционером «Добролета». Не знаю, это ли дало толчок, или Маяковский уже собирался, а потому и заметил плакат, но только вскоре он предложил мне делать рекламы... Началась наша совместная работа. Марка была такая: «Реклам-конструктор МАЯКОВСКИЙ — РОДЧЕНКО».

Сегодня, спустя полстолетия со дня смерти великого поэта и спустя четверть века со дня смерти талантливого советского художника, конструктора, фотомастера, на том же восьмом этаже знаменитого дома на Кировской продолжается работа по изучению и пропаганде наследия Маяковского—Родченко. Дочь Александра Михайловича—Варвара Александровна и его внук Александр, художники по профессии, бережно сохраняют все, что связано с дорогими нам именами.

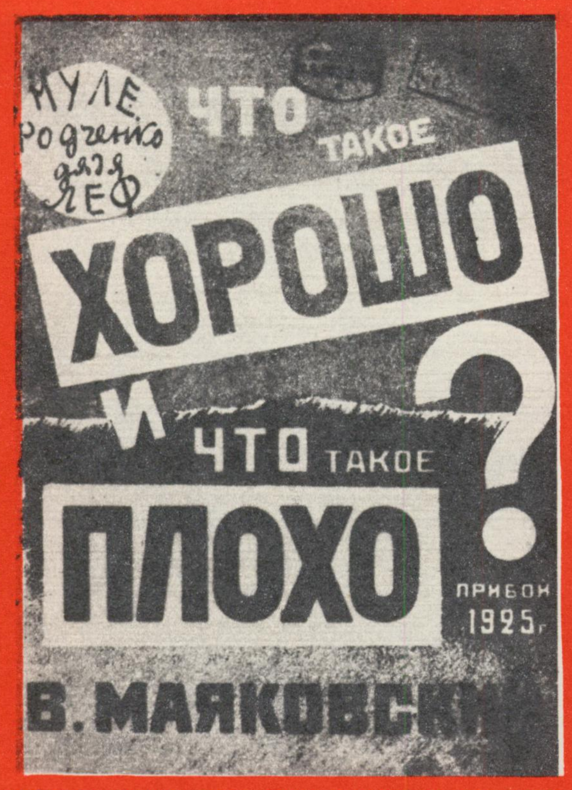
Феликс МЕДВЕДЕВ



Текст Маяковского. Художник Родченко.

Силуэт Маяковского работы Родченко.

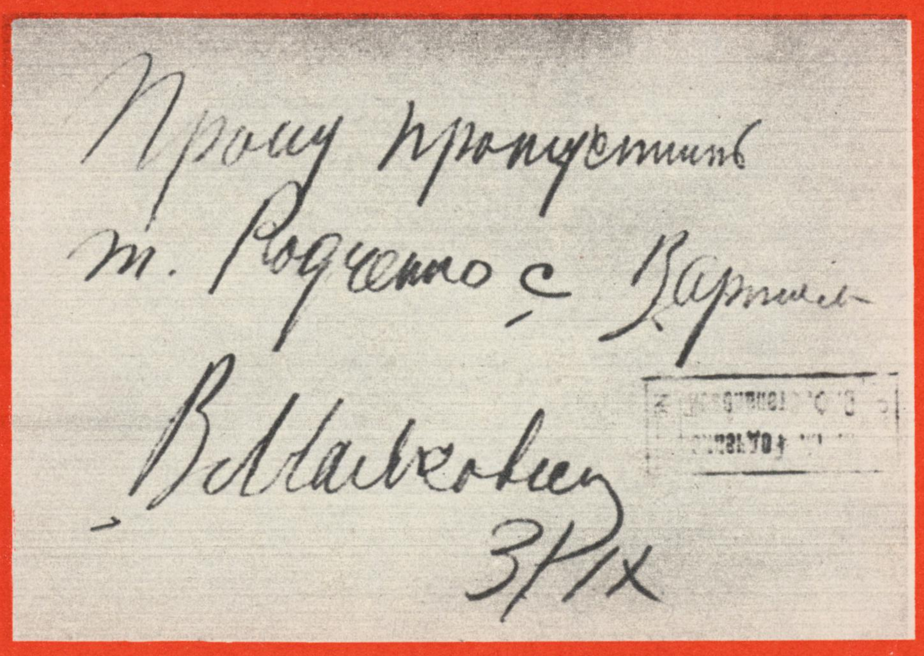
Текст Маяковского. Художник Родченко.



Обложка книги «Что такое хорошо и что такое плохо?» с автографом Маяковского дочери Родченко: «Муле Родченко дядя ЛЕФ».

В. Маяковский. Фото А. Родченко.

Факсимиле автографа Маяковского: «Прошу пропустить т. Родченко с Варстом В. Маяковский. 3/IX». Варст — Варвара Степановна — жена Родченко.


Прошу пропустить
т. Родченко с Варстом
В. Маяковский
3/IX

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663